

Беляев А. Д. Современное состояние вопроса о значении расовых особенностей семитов, хамитов и иафетитов в деле религиозного развития этих трех групп народов. [Разбор мнения Грау о значении особенностей семитского духа для характера религии семитов.] // Прибавления к Творениям св. Отцов 1881. Ч. 27. Кн. 2. С. 307–379 (1-я пагин.). (Продолжение.)

Современное состояніе вопроса о значеніи расовыхъ особенностей Семитовъ, Хамитовъ и Іафетитовъ въ дѣлѣ религіознаго развитія этихъ трехъ группъ народовъ.

Разборъ мнѣнія Грау о значеніи особенностей семитическаго духа для характера религіи Семитовъ ¹⁾.

Прежде чѣмъ рѣшать вопросъ о томъ, какое значеніе имѣютъ расовыя особенности Семитовъ для ихъ религіознаго развитія, нужно предварительно опредѣлить, какія это были особенности и какой былъ слагавшійся изъ нихъ характеръ Семитовъ.

Какъ противъ Ренановой характеристики семитизма, такъ и противъ характеристики Семитовъ, которую рисуетъ намъ Грау, можно сказать, что она не есть характеристика всѣхъ Семитовъ. Самъ Грау сознаетъ это, говоря, что его характеристика Семитовъ абсолютно можетъ быть приложена только къ Евреямъ, да и то только къ послѣднѣйшимъ, и что даже Арабы уклонились отъ нормальнаго семитическаго характера. Но почему же Грау характеръ именно Евреевъ называетъ характеромъ Семитовъ вообще? Потому, полагаетъ Грау, что характеръ еврейскаго народа есть норма, есть лучшее выраженіе семити-

¹⁾ При разборѣ мнѣнія Грау о характерѣ Семитовъ и Аріянцевъ и объ отношеніи характера его къ ихъ религіи, мы не будемъ касаться тѣхъ вопросовъ, относительно которыхъ, мы высказали свое сужденіе при критическомъ разборѣ Ренана.

ческаго характера, отъ которой другіе Семиты отклонились чрезъ вліянія на нихъ другихъ расъ, особенно хамитической. Грау не соглашается съ Ренаномъ, что норму или масштабъ семитическаго характера представляетъ характеръ Арабовъ; потому что онъ полагаетъ, что религія и религіозная литература Арабовъ были зависимы отъ Евреевъ и что Арабы находились въ такомъ же отношеніи къ послѣднимъ, какъ Римляне къ Грекамъ. Сознавая всю справедливость такого соображенія Грау, мы не можемъ однако религіозно-нравственный характеръ Евреевъ считать мѣриломъ характера Семитовъ по другимъ соображеніямъ. Именно: характеръ Евреевъ слагался подъ непрерывнымъ воздѣйствіемъ Божественнаго откровенія, Божественныхъ явленій и вообще Божественнаго путеводительства. Самъ Грау признаетъ громадное значеніе этого сверхъестественнаго фактора въ образованіи характера Евреевъ, говоря, что безъ него Евреи не устояли бы въ борьбѣ противъ искушеній лжечества и потеряли бы вмѣстѣ съ своей религіей свой характеръ и самостоятельность. При руководствѣ Божественномъ все дурное въ естественномъ характерѣ Евреевъ было по возможности изглажено, а все хорошее, напротивъ, воспитано, усилено и утверждено. Нравственность, религіозность и религія Евреевъ были бы совершенно иныя, если бы они не сдѣлались избраннымъ народомъ Божиимъ. А если бы ихъ религія и нравственность были иныя, то и весь характеръ и культура были бы иныя. Такъ какъ особенное путеводительство Божіе, которымъ пользовались только одни Евреи и которое такъ сильно вліяло на ихъ характеръ, есть, какъ мы сказали, сверхъестественный факторъ въ развитіи ихъ характера; то этотъ послѣдній потому самому не можетъ быть признанъ мѣриломъ естественнаго характера Семитовъ.

Мы согласны назвать его нормой семитического характера: но такой нормой, которая была недостижима для Семита, предоставленнаго естественному развитію; эта норма характера была идеальная норма, которую только нѣкоторые Семиты могли осуществить при помощи особеннаго путеводительства Божественнаго, при содѣйствіи особенныхъ сверхъестественныхъ средствъ, которыми Самъ Богъ воспитывалъ ихъ въ продолженіи десятковъ вѣковъ.

Но характеромъ какого же семитического народа мы будемъ измѣрять семитическій характеръ вообще? Конечно характеръ тѣхъ народовъ, которые подчинились вліянію Хамитовъ и смѣшались съ ними, даетъ намъ еще болѣе слабое и невѣрное понятіе о расовомъ характерѣ Семитовъ. Значить, мы по неволѣ должны обратиться къ характеру Евреевъ или Арабовъ, которые наименѣе смѣшивались съ народами другихъ расъ и даже очень мало сносились съ ними и потому могли сохранить свой расовый характеръ. Но чтобы характеръ Евреевъ или Арабовъ могъ служить болѣе или менѣе вѣрной мѣркой естественнаго характера Семитовъ, мы должны изъ него выдѣлить все то, что произведено въ нихъ особеннымъ Божественнымъ воздѣйствіемъ. Измѣрять расовый характеръ Семитовъ національнымъ характеромъ Евреевъ выгодно въ томъ отношеніи, что въ характерѣ Евреевъ до самой высокой степени развились основы семитическаго духа, что онъ поэтому рельефнѣе выступаетъ предъ нашими глазами во всѣхъ своихъ особенностяхъ, что въ него наименѣе привзошло чуждыхъ хамитическихъ элементовъ, что, наконецъ, для характеристики Евреевъ мы имѣемъ такія подробныя и вѣрныя свѣдѣнія, какъ ни объ одномъ древнемъ народѣ. Но за то въ сложившемся характерѣ Евреевъ трудно отдѣлить результаты развитія ихъ естествен-

ныхъ силъ и ихъ собственной энергіи отъ результатовъ сверхъестественнаго воздѣйствія. Отдѣлить результаты сверхъестественнаго воздѣйствія Божія отъ результатовъ естественнаго развитія въ характерѣ Арабовъ легче, нежели въ характерѣ Евреевъ; потому что особенное сверхъестественное воздѣйствіе на нихъ Бога ограничилось только однократною передачею имъ чрезъ ихъ родоначальника истинныхъ понятій о Себѣ. Но за то характеръ Арабовъ не столь самобытенъ, какъ характеръ Евреевъ. Принявши все это во вниманіе, мы, для болѣе легкаго и точнаго опредѣленія естественнаго характера Семитовъ, будемъ въ частныхъ случаяхъ разсматривать характеръ или обоихъ народовъ т. е. и Арабовъ и Евреевъ или какого нибудь одного, который въ данномъ разѣ представить болѣе удобствъ для разсмотрѣнія. Этимъ способомъ можно избѣжать многихъ затрудненій и невѣрныхъ выводовъ. Что касается до характера охамизировавшихся Семитовъ, то его не нужно разсматривать отдѣльно, а только мимоходомъ имѣть въ виду для повѣрки выводовъ, сдѣланныхъ изъ разсмотрѣнія характера Арабовъ и Евреевъ.

Но возможно ли и какъ возможно анализировать характеръ народа или расы? Вопросъ этотъ нужно рѣшать по аналогіи съ вопросомъ о способѣ разложенія характера индивидуума на его составные элементы. Опредѣлить природныя основы духа въ характерѣ взрослого человѣка мы можемъ на основаніи сходства ихъ съ чертами характера отца или братьевъ его. Мы можемъ также наблюдать развитіе его съ самыхъ первыхъ дней его жизни, замѣчать его природныя задатки и способности, замѣчать, какія дѣйствуютъ на нихъ внѣшнія вліянія, видѣть процессъ и результаты ихъ взаимодѣйствія, однимъ словомъ слѣдить за развитіемъ характера человѣка. При

такихъ средствахъ наблюденія намъ легко будетъ разложить характеръ на элементы, когда онъ совсѣмъ сложится и опредѣлится. Точно такіе же приемы нужно употреблять и при опредѣленіи основъ характера народа или расы. Но только здѣсь дѣло усложняется и затрудняется, а наши средства уменьшаются въ тысячу разъ. Схватить общія черты характера народа, а тѣмъ болѣе цѣлой расы, конечно, несравненно труднѣе, нежели описать характеръ человека. Мы можемъ еще наблюдать сложившійся характеръ какого нибудь современнаго намъ народа, но и то наблюденіе наше будетъ ограничиваться только бѣльшимъ или меньшимъ числомъ индивидуумовъ. Для опредѣленія же первичныхъ основъ духа и историческаго развитія характера народа мы вовсе не можемъ пользоваться непосредственнымъ наблюденіемъ и должны замѣнить его тѣми данными, которыя намъ сохранила исторія, другіе люди. Но какъ скудны, какъ подчасъ невѣрны подобныя данныя! И они становятся тѣмъ скуднѣе и тѣмъ недостовернѣе, чѣмъ болѣе мы отдаляемся отъ нашего времени и приближаемся къ колыбели извѣстнаго историческаго народа. Скажемъ болѣе: младенческій возрастъ народовъ лежитъ за предѣлами исторіи, и развѣ какіе нибудь спутанные, неясные слѣды этого младенческаго состоянія, сохранившіеся въ языкѣ, или въ темныхъ преданіяхъ, или въ какихъ нибудь вещественныхъ памятникахъ, даютъ намъ нѣкоторое туманное понятіе о немъ. Но если бы даже мы имѣли несравненно болѣе данныхъ о доисторическомъ состояніи извѣстнаго народа, мы нашли бы непреодолимые затрудненія для правильнаго пониманія ихъ: намъ трудно, даже невозможно отрѣшиться отъ нашихъ понятій и совершенно перенестись въ отдаленныя эпохи первобытнаго состоянія извѣстнаго народа или

расы; бездна не однихъ только лѣтъ, но и различія въ жизни и духѣ отдѣляетъ насъ отъ первобытнаго человѣка. А между тѣмъ младенческой возрастъ народа всего болѣе и важенъ для опредѣленія природныхъ особенностей народнаго духа, которыя легли въ основаніе народнаго характера.

Подтвержденіе того, какъ трудно опредѣлить основы характера расы или народа, мы находимъ въ попыткахъ Грау отвѣтить на вопросъ, почему откровеніе дано одному изъ семитическихъ народовъ. Въ сложившемся характерѣ Семитовъ (собственно Евреевъ) Грау указываетъ многія особенности, вслѣдствіе которыхъ они были способны принять откровенную религію, напр., преимущественное направленіе ихъ къ Богу, а не къ міру, субъективизмъ и проч. Но тутъ возникаетъ вопросъ, были-ли эти особенности присущи духу Семитовъ съ самаго начала и суть ихъ природныя свойства, или—такъ какъ онѣ особенно рѣзко выразились въ характерѣ Евреевъ—онѣ явились и развились вслѣдствіе того, что Евреи сдѣлались избраннымъ народомъ Божиимъ. Этотъ вопросъ очень естественъ, и самъ Грау даетъ поводъ къ нему, когда говоритъ, что характеръ Семитовъ только началъ слагаться со времени ихъ отдѣленія отъ языческихъ Хамитовъ и Іафетитовъ и что потомъ потеряли вѣру въ единого истиннаго Бога многія части даже избраннаго народа Божія, и притомъ тогда, когда онъ уже долгое время находился подъ особеннымъ Божественнымъ руководствомъ, при чемъ Грау имѣетъ въ виду преимущественно десять колѣнъ Израилевыхъ. О другихъ же семитическихъ народахъ нечего и говорить: всѣ они, кромѣ части Арабовъ, сдѣлались язычниками. Задавалъ ли себѣ подобный вопросъ Грау, мы не знаемъ, но только онъ старается опредѣлить первоначальныя основы

духа Семитовъ. ради которыхъ имъ ввѣрено Божественное откровеніе. Грау говоритъ, что основы характера Семитовъ начали опредѣляться еще со времени ихъ родоначальника Сима, въ нравственно-религіозномъ характерѣ котораго уже находилось основаніе для избранія народа Божія именно изъ Семитовъ, свидѣтельствомъ чего служитъ благословеніе Ноемъ Сима, Богъ котораго названъ Іеговой, — Богомъ откровеній. И дѣйствительно, по мнѣнію Грау, эотейзмъ ближайшихъ потомковъ Сима былъ ближе къ истинному понятію о Богѣ, былъ сроднѣе съ истиннымъ монотеизмомъ, нежели эотейзмъ Іафетитовъ и Хамитовъ, потому что Семиты удержали вѣру въ святаго, премірнаго Бога, а Хамиты и Іафетиты уже очень рано начали смѣшивать Бога съ природой.

Недостатокъ этого мнѣнія въ томъ, что характеръ Семитовъ опредѣленъ здѣсь слишкомъ обще. Вѣдь и характеръ Іафета былъ религіозно-нравственный, какъ можно заключать изъ одинаковаго добраго дѣйствованія Іафета съ Симономъ по отношенію къ отцу, а между тѣмъ и общій характеръ, и религія потомковъ обоихъ братьевъ были различны до противоположности.

Кромѣ того указываемое Грау различіе религій древнихъ Семитовъ отъ религій Хафетитовъ и Хамитовъ остается у него недоказаннымъ; Грау долженъ былъ-бы доказать, что вѣра Авраама не была только его личной вѣрой, его личнымъ достоинствомъ, а зависѣла отъ вѣры всего его племени, отъ вѣры всѣхъ вообще Семитовъ. Грау, поставляя Авраама наряду со всѣми пророками, избравшимися изъ племени Сима для сохраненія истинной религіи на землѣ, почитаетъ вѣру Авраама выраженіемъ или, лучше сказать, вѣнцомъ вѣры Семитовъ. Но многіе смотрятъ

на вѣру Авраама, какъ на лично ему только принадлежавшую, и избраніе его поставляютъ единственно въ зависимость отъ его личныхъ достоинствъ, безъ всякаго отношенія къ происхожденію его отъ Сима, и самого Авраама ставятъ выше даже Моисея, не говоря уже о другихъ ветхозавѣтныхъ святыхъ мужахъ. Такъ смотрятъ на Авраама, напр.. М. Мюллеръ и Рѳитшъ Правда. Грау преимущество своего мнѣнія предъ ихъ видитъ въ томъ, что при немъ объясняется смыслъ благословенія Ноемъ Сима, въ каковомъ благословеніи Іегова называется Богомъ Сима. Но и здѣсь возможно возраженіе. Можетъ быть Ной такими словами благословилъ Сима потому, что пророчески предвидѣлъ, что Богъ изберетъ изъ племени Сима Авраама и его народъ; а не потому Авраамъ избранъ, что родоначальникъ его получилъ благословеніе. Говоря это, мы вовсе не отвергаемъ взгляда Грау; напротивъ, онъ кажется намъ лучшимъ и вѣроятнѣйшимъ. Но мы хотѣли показать, что Грау еще слабо доказалъ свое мнѣніе о вѣрѣ до-авраамовскихъ Семитовъ въ святаго премірнаго Бога однимъ указаніемъ на благословеніе Ноемъ Сима и на вѣру Авраама. ~

Такимъ образомъ Грау не опредѣляетъ намъ первоначальныхъ особенностей въ характерѣ Семитовъ и въ характерѣ ихъ религій, которыя послужили основаніемъ избранія народа Божія изъ Семитовъ. Мнѣніе его, что врученіе откровенія именно семитическому народу находилось въ связи съ характеромъ Семитовъ и свойствомъ ихъ религій, пока только опирается на одномъ теоретическомъ соображеніи, что въ исторіи Богъ не дѣйствуетъ по произволу и что дѣй-

¹⁾ Такой-же взглядъ на вѣру Авраама и его призваніе высказалъ Профессоръ К. Д. А. Щеголевъ въ сочиненіи: Призваніе Авраама и церковно-историческое значеніе этого событія.

ствія Его по отношенію къ извѣстному народу опредѣляются свойствами, характеромъ и достоинствами послѣдняго. Само по себѣ это соображеніе совершенно справедливо, но въ настоящемъ случаѣ, кромѣ фактическаго основанія, оно нуждается въ болѣе точномъ опредѣленіи и разъясненіи. Нужно бы опредѣлить, какія именно первичныя свойства въ духѣ Семитовъ послужили основаніемъ для врученія Евреямъ откровенія. Грау этого не дѣлаетъ, что, быть можетъ, указываетъ на чрезвычайную трудность опредѣлить первичныя основы характера расы.

Попытавшись, хотя и безъ большаго успѣха, опредѣлить основы характера Семитовъ, Грау вовсе не пользуется однимъ изъ средствъ, при помощи котораго можно разложить сформировавшійся характеръ на его элементы, именно—изслѣдованіемъ процесса постепеннаго образованія характера расы. И надобно замѣтить, что касательно расы Семитической онъ имѣлъ возможность сдѣлать подобное изслѣдованіе. Со времени Авраама начинаются подробныя извѣстія по крайней мѣрѣ о части Семитовъ—Евреяхъ и хотя менѣе подробныя, но все таки достаточно опредѣленныя, извѣстія объ Арабахъ и другихъ семитическихъ племенахъ. Характеръ Семитовъ, какъ его рисуетъ намъ Грау, слагался главнымъ образомъ подъ двумя діаметрально противоположными вліяніями: съ одной стороны хамитическое язычество съ своими оболъщеніями разнузданной жизни и приманками высшей, сравнительно съ Семитами, свѣтской культуры, облегало Семитовъ со всѣхъ сторонъ и свращало съ пути служенія истинному Богу не только отдѣльныхъ лицъ, но и цѣлые народы Семитической расы; съ другой стороны постоянное руководство Божественное, дававшее Семитамъ всѣ средства для борьбы противъ языческаго вліянія. Вся исторія избраннаго народа есть нечто иное, какъ борьба моноте-

изма, истинной вѣры въ Бога, царства Божія на землѣ противъ заблужденія многобожія и связанной съ нимъ у Хамитовъ матеріальности. Въ этой то непрерывной борьбѣ и сложился тотъ характеръ, который мы находимъ у послѣ-плѣнныхъ Іудеевъ. Это высказываетъ и Грау. Но къ сожалѣнію онъ ограничивается однимъ указаніемъ на то, что въ этой многовѣковой борьбѣ только небольшой остатокъ пребылъ вѣренъ своему призванію и сохранилъ свой характеръ, а прочіе отпали отъ вѣры въ истиннаго Бога, подчинились вліянію Хамитовъ и въ смѣшеніи съ ними потеряли свой характеръ. Но онъ не постарался прослѣдить указанную борьбу, хотя бы въ существенныхъ ея моментахъ, или, что тоже, не прослѣдилъ постепеннаго развитія семитическаго характера. Отсюда остается совершенно невыясненнымъ, какимъ образомъ одни изъ Семитовъ выдержали борьбу, развили лучшія стороны своего характера и остались избраннымъ народомъ, а другіе утратили свою первоначальную истинную религію и приобрѣли совсѣмъ иной характеръ, хотя и тѣ и другіе были одинаковаго происхожденія, даже получили одинаковое призваніе и въ началѣ пользовались одними и тѣми же соотвѣтственными "призванію естественными и сверхъ естественными средствами. Если бы Грау прослѣдилъ процессъ образованія семитическаго характера. то онъ могъ бы въ немъ замѣтить и выдѣлить изъ него основы семитическаго духа, которыя то получали развитіе, то встрѣчали препятствія къ развитію, смотря по условіямъ исторической жизни; тогда видно было бы, что въ сложившемся семитическомъ характерѣ нужно приписать развитію естественныхъ силъ Семитовъ и что сверхъ-естественному воздѣйствію Божію. Для насъ выяснились бы тогда

расовыя особенности Семитовъ и, главное, значеніе этихъ особенностей въ развитіи религіи Семитовъ.

Попробуемъ мы съ одной стороны опредѣлить, какія особенности въ характерѣ Израиля, стоявшія въ тѣсной связи съ ихъ религіознымъ развитіемъ и служившія основаніемъ для избранія ихъ Богомъ въ особенный народъ, принадлежали имъ, какъ Семитамъ, а съ другой стороны указать, что въ характерѣ этого народа было результатомъ сверхъ-естественнаго воздѣйствія Божія на этотъ народъ.

Одна изъ сторонъ духа человѣческаго, которая наиболѣе имѣетъ вліянія на религію и безъ которой невозможна никакая религія, есть религіозное чувство. Оно принадлежитъ всѣмъ людямъ, но безконечно въ нихъ видоизмѣняется по степени силы и ясности. Человѣка съ сильнымъ религіознымъ чувствомъ мы называемъ религіознымъ; если же это чувство въ немъ слабо, то мы считаемъ его нерелигіознымъ. Нѣтъ сомнѣнія, что степень религіозности человѣка или народа много зависитъ отъ того, исповѣдуютъ ли они истинную религію или ложную, признаютъ ли они одного Бога или многихъ боговъ, и вообще зависитъ отъ характера и свойства религіи. Истинная религія просвѣтляетъ, укрѣпляетъ, развиваетъ религіозное чувство; ложная религія ослабляетъ его, извращаетъ, иногда подавляетъ. И на оборотъ, степенью и свойствомъ религіозности народа опредѣляется характеръ его объективной религіи. Всѣ видоизмѣненія, совершающіяся въ объективномъ содержаніи и характерѣ религіи народа отъ начала и до конца его жизни, происходятъ отъ тѣхъ перемѣнъ, которыя совершаются въ религіозномъ чувствѣ, въ религіозномъ сознаніи народа.

Указавши на взаимодѣйствіе, которое существуетъ между религіозностію или субъективною стороною,

религіи и самой религіей, мы должны рѣшить вопросъ, въ какой мѣрѣ религіозность Евреевъ должна быть признана естественнымъ свойствомъ ихъ семитическаго характера и въ какой мѣрѣ должно приписать ее воздѣйствію на нихъ ихъ истинной Богооткровенной религіи и руководству Божию, которымъ они постоянно пользовались со времени Авраама. Для разрѣшенія этого вопроса намъ нужно обратиться къ исторіи Арабовъ. Религіозны ли они? О религіозности народа можно судить по тому вліянію, которое оказываетъ религія на разныя стороны его жизни. Великое значеніе, которое у Арабовъ имѣла религія, особенно рѣзко выражалось во вліяніи ея на царскую власть. Халифъ не есть ни полководецъ, ни государь, а намѣстникъ Пророка (*Vice-prophete*), говоритъ Ренанъ.¹⁾ На обязанности Халифа лежало исполненіе священно-служительскихъ дѣйствій по пятицамъ и чтеніе молитвъ въ мечети. Арабскіе историки въ своихъ сказаніяхъ о халифахъ упоминаютъ о веденныхъ ими войнахъ лишь настолько, насколько онѣ велись для защиты и распространенія ислама, упоминаютъ объ ихъ строгости въ исполненіи религіозныхъ обрядовъ, сколько кто изъ нихъ дѣлалъ ежедневно за молитвой поклоновъ и колѣнопреклоненій и сколько разъ отправлялся въ Мекку. Притязанія на халифство со стороны Алидовъ, Омейядовъ и Аббасидовъ основывались на ихъ ближайшемъ или дальнѣйшемъ родствѣ съ пророкомъ и на за слугахъ ихъ предковъ въ распространеніи и поддержкѣ ислама. Алиды въ десятомъ столѣтіи основываютъ въ Египтѣ могущественное государство и только потому, что были потомками Мохаммеда. Основателемъ династіи Альморавидовъ, властвовавшихъ въ сѣверной

¹⁾ Hist. génér. et syst. comp. des langues semit p. 15.

Африкѣ и затѣмъ въ Испаніи, былъ миссіонеръ, распространившій исламъ среди Берберовъ. Династія Аль-Мохаддовъ въ Испаніи основана святошей, проповѣдывавшимъ новое ученіе о единствѣ Божіемъ, отчего она и получила свое имя. Могущественные князья-Карматы выступили обвинителями ислама и достигли тѣмъ власти. Тоже самое случилось въ наши дни съ Вахабитами: основатель сильнаго царства въ средней Аравіи взялся за мечъ, какъ приверженецъ реформатора ислама, ученія котораго онъ хотѣлъ распространять, и поэтому захватилъ власть въ свои руки; наслѣдники его еще въ настоящее время выдаютъ себя за представителей возобновленнаго ислама. Эти факты мы привели изъ цитованной нами статьи Хвольсона.

Но можетъ быть такое огромное вліяніе религіи Арабовъ на государственную власть было слѣдствіемъ не природной религіозности ихъ, а характера и сущности ихъ религіи, которую нельзя назвать созданіемъ ихъ генія, такъ какъ основы ея лежатъ въ іудействѣ и отчасти въ христіанствѣ? Мы имѣемъ основаніе отвергнуть это предположеніе. „При распаденіи халифата, говоритъ Хвольсонъ, когда образовалось множество мелкихъ государствъ, основателями новыхъ династій въ восточныхъ областяхъ, гдѣ обитали Арійцы, были или способные полководцы или бывшіе ловкіе намѣстники халифовъ, а въ западныхъ, населенныхъ Арабами, провинціяхъ — по преимуществу благочестивые мужи, подвижники и представители какого нибудь новаго ученія. Соединеніе духовнаго главы и свѣтскаго правителя въ одномъ лицѣ есть учрежденіе по преимуществу семитическое. Царь Семитовъ пріобрѣталъ свѣтскую власть потому только, что былъ представителемъ духовной.¹⁾ Если бы соединеніе въ арабскихъ

¹⁾ Русск. Вѣстн. 1872 г. февраль стр. 470.

Халифахъ свѣтской власти съ духовною имѣло свое основаніе не въ природной религіозности Арабовъ, а въ ихъ религіи, то мы бы не могли объяснить, почему не произошло подобнаго соединенія духовной и свѣтской власти въ лицѣ государей у арійскихъ народовъ, (исключеніе составляютъ только папы,) принявшихъ христіанство. Въдѣ христіанство по силѣ того вліянія, которое оно способно оказывать на всѣ стороны жизни общественной, конечно, не уступитъ исламу, а даже превзойдетъ его. Несмотря на это въ христіанскихъ государствахъ свѣтская власть постоянно стремится подчинить себѣ духовную. Но если Арабы религіозны по природѣ и если притомъ они истые типическіе Семиты, то не лишена основанія мысль, что 'религіозность есть врожденное и отличительное свойство Семитовъ. Природная религіозность Семитовъ и была одной изъ причинъ, почему избраннымъ народомъ Божиимъ сдѣлался одинъ изъ семитическихъ народовъ.

Однако мы должны сказать, что изображеніе религіозности Семитовъ, которое мы находимъ у Грау, преувеличено и отзывается идеализаціей. Въ полномъ видѣ оно не можетъ быть отнесено не только къ Семитамъ-политеистамъ, но и къ Арабамъ и къ Евреямъ, если послѣднихъ брать массой. Грау срисовалъ его съ нѣкоторыхъ великихъ и святыхъ мужей изъ среды этого послѣдняго народа. Но, конечно, черты характера выдающихся въ народѣ личностей могутъ быть приписаны массѣ народа только съ ограниченіемъ и въ меньшей мѣрѣ. Тѣмъ болѣе это имѣетъ силу въ настоящемъ случаѣ, такъ какъ святые великіе мужи Іудейскаго народа бѣльшею половиною своей религіозной ревности обязаны были Божественнымъ вдохновеніямъ и вообще тому особенному близкому отношенію, въ которомъ они стояли къ Богу, будучи Имъ

очищаемы, освящаемы, руководствуемы. Грау, конечно, знаетъ, что необычайно сильнаго желанія соединиться съ Богомъ и найти въ Немъ покой, которое выражено въ приведенныхъ имъ словахъ псалма, и такой сильной любви къ Богу, съ которой человѣкъ все покидаетъ и готовъ все потерпѣть, лишь бы не разлучиться съ Богомъ, не было не только во всей массѣ народа Еврейскаго, но эти возвышенныя чувства столь безграничной преданности Богу и любви къ Нему едва ли жили даже въ меньшей части народа. Иначе, зачѣмъ эти грозныя обличенія въ нечестіи и идолослуженіи, въ неблагодарности къ Богу и жестокосердіе, которыя постоянно провозглашали пророки? Зачѣмъ страшныя угрозы за нераскаянность, которыя произносилъ Богъ устами тѣхъ же пророковъ? Какая причина жалобъ пророковъ на то, что нѣтъ вѣрныхъ Богу и что всѣ развратились? Послѣ плѣна Вавилонскаго народъ Іудейскій сталъ болѣе чистъ и твердъ нравственно, болѣе вѣренъ Богу, но и то не въ такой степени, какъ думаетъ Грау. Да и этотъ послѣплѣнный религіознонравственный характеръ Іудеевъ былъ только отчасти результатомъ ихъ природной религіозной настроенности, а наполовину онъ былъ плодомъ особеннаго Божественнаго руководства, которымъ Іудеи пользовались въ продолженіи многихъ вѣковъ. Поэтому-то религіозность Іудеевъ не можетъ быть вѣрной мѣркой религіозности всей Семитической расы.

Кстати замѣтимъ, что и вообще Грау слишкомъ преувеличиваетъ, идеализируетъ достоинство Семитовъ, и въ особенности Евреевъ, между тѣмъ какъ о недостаткахъ ихъ совсѣмъ умалчиваетъ. Это пристрастіе Грау къ Семитамъ такъ явно выступаетъ почти на каждой страницѣ его книги, что нельзя этого не замѣтить. Напр., Грау говорить, что

Еврей, отвергнувши истинную религію, т. е. христіанство, понесли наказаніе Божіе въ томъ, что вмѣсто представителей истинной религіи они сдѣлались всемірными торгашами и ростовщиками. Изъ этихъ словъ выходитъ, что до времени пришествія Христа, до отверженія Евреевъ эти послѣдніе не были торгашами. Однако это неправда. Евреи тѣмъ особенно и отличаются отъ всѣхъ народовъ, что они, живя въ разныхъ странахъ, въ разныя времена, при различныхъ условіяхъ, почти совсѣмъ неизмѣняются; физическій и духовный типъ ихъ, ихъ племенной характеръ всегда оставался и остается почти одинъ и тотъ же. Это фактъ безспорный, почти общепризнанный. Іосифъ Флавій описываетъ Евреевъ почти такими-же, каковы они и теперь. Въ частности всемірными торгашами они были гораздо раньше того времени, когда они были отвергнуты Богомъ за то, что сами они отвергли Христа. Историкъ Моммзенъ, котораго нельзя упрекнуть въ религіозномъ предразсудкѣ противъ Іудеевъ, описывая разсѣянныхъ по Римской имперіи Іудеевъ временъ Юлія Цезаря, говоритъ, что и въ то время преимущественное занятіе ихъ состояло въ торговлѣ, что повсюду іудейскій торговецъ стоялъ обѣ руку съ римскимъ купцомъ, какъ-послѣ съ купцами генуезскими и венеціанскими, и со всѣхъ сторонъ къ Іудеямъ стекался капиталъ. Полагають, что и раньше берега Средиземнаго моря были во власти іудейскихъ торговцевъ и банкировъ, что уже въ древнемъ мірѣ денежными дѣлами заправляли Іудеи и Греки и что въ древнемъ Римѣ Іудеи посредствомъ денежной силы были настолько вліятельны, что поднимали народное возстаніе противъ нелюбимаго начальника.

Обращаемся къ разсмотрѣнію религіозности Семи-товъ. Основаніе ея, можетъ быть, лежать въ ихъ субъ-

ективизмъ, сердечности, женственной впечатлительности и чувствительности. Всѣ эти свойства составляютъ отличительныя черты женщины, а женщина, какъ извѣстно, религіознѣе мужчины. Что эти свойства дѣйствительно принадлежать Семитамъ и притомъ въ высокой степени, это хорошо видно изъ того, что они дали міру замѣчательныя и неподражаемыя произведенія лирической поэзіи, которую нужно назвать поэзіей чувства по преимуществу, между тѣмъ какъ въ другихъ видахъ поэзіи Семиты не произвели почти ничего. Способность Семитовъ къ лирикѣ и къ сродной съ нею музыкѣ и неспособность ихъ къ другимъ родамъ поэзіи и къ другимъ родамъ искусства остаются у нихъ и теперь. „Геніальный лирикъ Генрихъ Гейне драмы писалъ слабенькія, а единственная драма, написанная Бертольдомъ Ауэрбахомъ, какъ произведеніе драматическое, не имѣетъ большой цѣны,“ говоритъ Хвольсонъ.¹⁾—Эти свойства принадлежатъ самой природѣ Семита. Они очень замѣтны въ Евреяхъ, въ которыхъ ихъ нужно признать первоначальными особенностями ихъ духа, а не результатомъ того *воспитанія, которое Евреи находили въ своей Богооткровенной религіи*; потому что эти особенности свойственны и Арабамъ, которые не пользовались особеннымъ руководствомъ Божіимъ, да и по самой сущности своей онѣ таковы, что не могутъ быть привиты религіей тому человѣку или народу, въ природномъ характерѣ которыхъ для нихъ нѣтъ никакихъ задатковъ. Религія можетъ только способствовать ихъ развитію, когда зародыши ихъ коренятся въ духѣ человѣка, народа или расы.

Другія свойства семитическаго духа, послужившія основаніемъ для избранія Богомъ одного изъ семиты-

¹⁾ Тамъ-же стр. 460.

ческихъ народовъ суть: воспріимчивость, недостатокъ продуктивной фантазіи и отсюда слабость творческой дѣятельности, склонность къ консерватизму и космополитизму.

Воспріимчивость есть одна изъ отличительныхъ особенностей Семитовъ; она есть необходимое слѣдствіе ихъ впечатлительности и субъективизма. Благодаря этому свойству Евреи были способны принять откровеніе, повѣрить тайнамъ его, болѣе послушаться словъ Божіихъ, нежели своего разсудка. Вслѣдствіе недостатка творческой способности, который особенно наглядно выражается въ отсутствіи у Семитовъ эпоса и мифологіи, Евреи могли сохранить Божественное откровеніе безъ измѣненій и не исказить его собственными измышленіями и передѣлками. И дѣйствительно исторія этого народа показала, что онъ изъ всѣхъ силъ старался сохранить свои священные книги въ томъ видѣ, какъ онѣ были написаны авторами ихъ; онъ боялся измѣнить въ нихъ какую-нибудь букву, считая это за тяжкій грѣхъ. При своей склонности къ консерватизму Евреи долго и хорошо могли сохранить священные преданія и неиспорченными, цѣльными передавать ихъ изъ рода въ родъ. Такимъ образомъ они были надежными хранителями Божественнаго откровенія, а слѣдовательно—единственной истинной религіи на землѣ. Благодаря упомянутымъ свойствамъ своего характера, они, несмотря на многочисленныя препятствія, въ теченіи длиннаго ряда вѣковъ хорошо выполнили свою задачу—сохранить до пришествія Христа истинную Богооткровенную религію на землѣ, сохранить во всей чистотѣ источникъ ея—священные книги. А что консерватизмъ составляетъ отличительную особенность Семитовъ, это мы фактически докажемъ ниже, при разсмотрѣніи исторіи арабской религіи.—Насколько

полезенъ былъ до пришествія І. Христа еврейскій консерватизмъ для сохраненія Богооткровенной религіи въ чистотѣ, настолько-же могучимъ орудіемъ для распространенія истинной вѣры на землѣ явился свойственный Евреямъ космополитизмъ, когда, съ явленіемъ І. Христа на землѣ, Евреи должны были сдѣлаться первыми провозвѣстниками христіанства и пронести проповѣдь о немъ во всемъ мірѣ. Въ цѣляхъ сохраненія истинной религіи на землѣ Промыслъ Божій долженъ былъ вручить знамя ея такому народу, который бы, въ теченіи долгаго времени стоя на одномъ мѣстѣ, твердо держалъ его и охранялъ отъ нападеній какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ враговъ, — охранялъ даже отъ самого себя, а потомъ, въ назначенное Богомъ время, пронесъбы его по вселенной. А таковъ и былъ именно народъ Еврейскій, въ характерѣ котораго партикуляризмъ и консерватизмъ соединяются съ космополитизмомъ.

Позволимъ себѣ привести нѣсколько словъ изъ одной нѣмецкой газеты *) объ этихъ двухъ свойствахъ Іудейскаго народа. „Въ іудействѣ, говорится тамъ, мы имѣемъ дѣло съ народностію такой твердости и упругости, что она и въ своемъ внѣшнемъ и во внутреннемъ видѣ измѣнилась чуть-чуть; она и теперь является съ тѣми-же недостатками и преимуществами, которые вообще сопровождаютъ ея ходъ чрезъ всю исторію и которые особенно выразились въ ея устойчивости, когда она въ первый разъ вступила въ сопрیکосновеніе съ христіанствомъ. Совершенная басня, будто теперешнее состояніе Іудеевъ есть реакція противъ христіанскаго гнета“. Затѣмъ указываются факты въ доказательство того, что Евреи

*) Allgemeine Evangelisch-Lutherische Kirchenzeitung. 1879 г. № 28 статья: Judenthum und Germanenthum.

и въ древности были такими-же, какими мы знаемъ ихъ теперь; приводятся также слова знаменитаго историка Моммзена, который объ Іудеяхъ временъ Юлія Цезаря говоритъ слѣдующее: „Іудеи—замѣчательный уступчиво-упругій народъ какъ въ древнемъ, такъ и въ новомъ мірѣ, домашній повсюду и нигдѣ.... Видимое пристанище религіознаго и духовнаго единенія было для тогдашнихъ Іудеевъ въ Іерусалимѣ, но въ сущности Іудеи были разсѣяны по всему Персидскому и Римскому царствамъ. ¹⁾ Въ Александріи, Киринѣ и въ самомъ Римѣ они составляли многочисленные общества... Іудей съ трудомъ покидаетъ сущность своихъ національныхъ особенностей, охотно окружаетъ себя всякою національнію, которая ему нравится, и до извѣстной степени усваиваетъ себѣ чуждую народность. И въ древнемъ мірѣ іудейство было настоящей закваской космополитизма“. — „Іудеи—народъ космополитическій, разрушающій національности, говорится въ той-же газетѣ. ²⁾ У Іудеевъ ихъ религія и національность находятся въ постоянномъ взаимодействіи, нераздѣльны“. Затѣмъ здѣсь же приводятся слѣдующія слова Uhlhorn'a изъ его сочиненія *Der Kampf des Christenthums mit dem Heidenthum*: „Задача Израиля была двоякая: онъ долженъ былъ сдѣлаться мѣстомъ рожденія христіанской церкви и пролагать ей пути въ язычествѣ. Эти двѣ, повидимому, противоположныя задачи именно заключаются въ іудействѣ. Израиль долженъ былъ быть отдѣленнымъ отъ язычниковъ народомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ былъ вращаться между язычниками. Этой

¹⁾ Въ журналѣ *Grenzenboten* также говорится, что Іудеи выселялись въ Грецію и Римъ гораздо ранѣе разрушенія Іерусалима и всегда поселялись въ торговыхъ центрахъ, напр. въ Коринѣ, въ Римѣ. См. Москов. Вѣдом. 1880 г. №№ 45 и 46.

²⁾ *Allgem. Ev. Luth. Kirchenzeit.* 1880 г. №№ 36 и 39 статья *Die so genannte juden-emanzipation.*

двойкой задачъ соотвѣтствовала и страна --центральная въ мірѣ и въ то же время отдѣленная отъ прочихъ странъ горами, пустынями, морями. Этому соотвѣтствовалъ и характеръ народа: ни у одного народа нѣтъ такого партикуляризма и такой универсальности; ни одинъ народъ не сохраняетъ своей народности такъ твердо и не остается между другими народами столь замкнутымъ, и ни одинъ въ то же время не умѣетъ такъ принаровляться къ отношеніямъ, ко всему приспособляться. Іудей повсюду дѣлается гражданиномъ, вездѣ умѣетъ найти себѣ мѣсто и все-таки остается Іудеемъ". Этотъ двойственный характеръ Іудеи сохраняютъ и доселѣ.

Что касается до мнѣнія Грау объ отличіи семитическаго монотеизма отъ іафетитскаго и хамитическаго, которое будто состояло въ томъ, что Семиты удержали понятіе о святости и премірности Бога, между тѣмъ какъ Аріицы и Хамиты очень рано начали смѣшивать Бога съ природой, и которое послужило будто бы основаніемъ для врученія Божественнаго откровенія одному изъ семитическихъ народовъ, а не Іафетитамъ и не Хамитамъ; то мы это мнѣніе можемъ считать только вѣроятнымъ. Какъ Грау не приводитъ въ пользу его положительныхъ и твердыхъ доказательствъ, такъ не можемъ сдѣлать этого и мы. Вѣроятность же этого мнѣнія мы основываемъ на томъ, что Семиты, по своему субъективизму, не такъ скоро могли смѣшать Бога съ природой, что они склонны были представлять Бога личнымъ существомъ и быть къ Нему въ отношеніи по преимуществу нравственнымъ, что, наконецъ, по своему консерватизму Семиты могли долѣе сохранить неизвращенными чистыя понятія о Богѣ, которыя люди получили изъ первобытнаго откровенія.

Въ связи съ представленіемъ Семитовъ о един-

ствѣ, премірности и святости Бога Грау поставляетъ ихъ имена Божіи, которыя будто бы даны имъ самимъ Богомъ, а не выдуманы ими, какъ это было у Арійцевъ. Но мы уже приводили мнѣніе М. Мюллера о томъ, что семитическія имена Божества такъ же мало могли предохранить Семитовъ отъ многобожія и способствовать сохраненію въ нихъ истинныхъ понятій о Богѣ, какъ и арійскія.

Результаты нашего разбора мнѣнія Грау о томъ, какое значеніе имѣли расовыя особенности Семитовъ въ дѣлѣ ихъ религіознаго развитія и въ частности въ томъ, что одному изъ семитическихъ народовъ дано было Божественное откровеніе, кратко можно выразить въ слѣдующемъ видѣ.

Это мнѣніе страдаетъ преимущественно формальными недостатками. Грау не всѣ стороны его снабжаетъ доказательствами; не опредѣляетъ раздѣльно, какое именно значеніе для религіи Семитовъ имѣла та или другая особенность ихъ характера; не опредѣляетъ, какія особенности ихъ духа суть первоначальныя и какія производныя. Съ этой стороны мы старались, сколько могли, исправить его мнѣніе и пополнить. — По отношенію къ матеріальной сторонѣ его мнѣнія, т. е. къ содержанію его, мы расходимся съ Грау только въ частности и кромѣ того не допускаемъ нѣкоторыхъ крайностей его мнѣнія. Мы, подобно ему, утверждаемъ, что Богъ избралъ свой народъ изъ Семитовъ не безъ отношенія къ ихъ природнымъ свойствамъ, къ ихъ способности принять, сохранить и распространять въ мірѣ откровенное ученіе. Какъ Грау не потрудился раздѣльно представить, что въ религіозномъ характерѣ Евреевъ есть чисто семитическаго и что въ немъ должно быть приписано Божественному путеводительству; такъ точно, говоря о міровомъ значеніи семитическихъ

религій, онъ не опредѣляетъ, какую долю въ этомъ значеніи нужно приписать Божественному откровенію и вообще фактору сверхъестественному, и какую — семитическому характеру, фактору естественному. Какъ онъ не прослѣдилъ и не опредѣлилъ вліянія Божественнаго откровенія на характеръ Евреевъ, такъ, наоборотъ, онъ почти ничего не говоритъ о томъ, какое участіе принимаютъ этотъ характеръ въ судьбѣ Богооткровенной религіи, какія онъ произвелъ въ ней видоизмѣненія и проч. Грау одинъ изъ недостатковъ супранатуральнаго взгляда М. Мюллера и Рöntша на происхожденіе семитическаго монотеизма видитъ въ томъ, что при этомъ взглядѣ они не объясняютъ историческаго значенія ислама. Но намъ кажется, что они хотя не полно, однако, соотвѣтственно ихъ взгляду, достаточно объясняютъ значеніе ислама, считая послѣдній заимствованіемъ изъ іудейства и христіанства — религій Богооткровенныхъ. Такъ какъ они происхожденіе еврейскаго монотеизма поставляютъ въ зависимость единственно отъ Божественнаго откровенія, не придавая въ этомъ случаѣ никакого значенія семитическому характеру этого народа, то естественно они не могли говорить о характерѣ Арабовъ при объясненіи великаго значенія ислама; по ихъ мнѣнію, сила ислама коренится въ томъ, что въ исламѣ есть нѣкоторыя Богооткровенныя истины, а вовсе не въ характерѣ Арабовъ. Напротивъ, Грау, такъ какъ онъ допускаетъ, что расовыя особенности Семитовъ имѣли большое значеніе для ихъ религіознаго развитія и въ частности для еврейскаго монотеизма, обязанъ былъ говорить подробно и обстоятельно о вліяніи этихъ особенностей на судьбу семитическихъ религій. Лучше всего можно было прослѣдить и опредѣлить это вліяніе не въ еврейской религіи, при сохраненіи чистоты и неприкосно-

венности которой дѣйствовалъ всего болѣе чудесный промыслъ Божій; а въ религіи Арабовъ, которые, разъ получивши Богооткровенную религію изъ устъ Авраама, потомъ уже не получали никакихъ новыхъ откровеній, да и въ сохраненіи полученнаго представлены были самимъ себѣ. Но Грау, говоря о томъ, что только немногіе изъ получившихъ Божественное откровеніе остались въ числѣ членовъ избраннаго народа, кратко замѣчаетъ, ¹⁾ что у отпадшихъ не отнимается даръ Божественный, которымъ они и пользуются болѣе или менѣе продолжительное время; одни тотчасъ теряютъ его, другіе сохраняютъ очень долго. Подъ послѣдними Грау разумѣтъ Арабовъ, которые всегда оставались монотеистами. Спрашивается, почему же одни скоро терали начала полученной Богооткровенной религіи, а другіе удерживали ихъ долго или даже и постоянно, какъ Арабы? Очевидно здѣсь различіе между людьми зависѣло не отъ откровенія, а отъ какихъ нибудь причинъ, лежавшихъ или въ характерѣ народа, или въ судьбѣ его, въ тѣхъ или другихъ условіяхъ его исторической жизни. Такъ какъ Грау придаетъ большое значеніе характеру расы или народа въ дѣлѣ ихъ религіознаго развитія, то и сохраненіе Арабами монотеизма онъ долженъ приписать особенностямъ ихъ характера. Если бы онъ прослѣдилъ эти особенности въ связи съ исторіей религіи Арабовъ, то онъ сразу достигъ бы двухъ цѣлей: 1) объяснилъ бы, согласно съ своимъ воззрѣніемъ на значеніе характера Семитовъ для ихъ религіи, историческое явленіе и значеніе ислама; 2) прослѣдивши исторію религіи Арабовъ въ связи съ общимъ характеромъ ихъ, онъ

1) Semiten und Indogermanen in Zeitschr. Beweis des Glaubens а. 388.

могъ бы провѣрить нѣкоторыя стороны упомянутого своего воззрѣнія и фактически показать, какое значеніе имѣлъ семитическій характеръ для развитія и характера религій Семитовъ. Хотя Грау доказываетъ, что Арабы постоянно оставались монотеистами, но онъ не объясняетъ этого факта: онъ не показываетъ ни связи семитического характера Арабовъ съ состояніемъ ихъ религіи, ни отношенія древняго арабскаго монотеизма къ исламу, ни отношенія послѣдняго къ іудейству и христіанству, ни историческаго значенія ислама. Онъ указываетъ на видоизмѣненія, происходившія въ монотеистической религіи Арабовъ, приписывая ихъ единственно внѣшнимъ вліяніямъ, но онъ не показываетъ, какія свойства въ народномъ характерѣ воздѣйствовали противъ этихъ вліяній и произведенныхъ ими искаженій въ первоначальной чистой религіи и способствовали сохраненію монотеистической религіи у Арабовъ.

Такъ какъ религіей Арабовъ былъ и остается до сихъ поръ монотеизмъ, а вопросъ о его происхожденіи и отношеніи къ политеизму въ связи съ расовыми особенностями есть одинъ изъ главныхъ вопросовъ, подлежащихъ нашему обсужденію, и такъ какъ изслѣдованіе происхожденія и исторіи арабскаго монотеизма дастъ намъ возможность точнѣе опредѣлить нѣкоторыя особенности семитического духа, которыя вліяли на происхожденіе, сохраненіе и развитіе у Семитовъ монотеизма; то мы считаемъ нужнымъ подробнѣе поговорить о религіи Арабовъ и пополнить всѣ указанные пробѣлы, которые по этому предмету мы находимъ у Грау.

Вопросъ о происхожденіи арабскаго монотеизма рѣшается различно.

Разбирая Ренана, мы опровергли мнѣніе его, что пустынная природа могла произвести монотеизмъ.

Но мы не отвергаемъ того дѣйствія, которое производитъ пустынная природа на религіозное чувство человѣка. Мы приведемъ здѣсь прекрасное, поэтическое мѣсто изъ книги Воронца. „Быть можетъ“, приводитъ онъ слова профессора Петрова, „не каждый въ состояніи представить себѣ то чувство, какое порождаетъ пустыня въ душѣ человѣка, дѣйствуя особенно на ту нѣжную и тайную струну ея, которую мы называемъ религіознымъ инстинктомъ, религіознымъ чутьемъ. Вообразимъ себя въ степи въ ночную пору. Одинокое стоимъ мы въ самой срединѣ огромнаго, пустаго, гладкаго круга, разстилающагося ровно со всѣхъ сторонъ. Съ изумительною правильностію, словно циркулемъ, обведенъ горизонтъ, и съ такою же правильностію воздвигается съ горизонта небесный куполь, усѣянный милліонами звѣздъ. Кругомъ — ни души, ни звука. Весь доступный нашимъ чувствамъ міръ здѣсь, предъ нами. И если младенческой душой мы не имѣемъ никакого чаянія даже объ истинахъ откровенія, то въ эту минуту хоть темное чувство цѣлости, единства природы проснется въ насъ непременно.... Во сколько же разъ сильнѣе чувство это овладѣетъ душой въ глухихъ, необозримыхъ песчаныхъ пространствахъ. Представьте себѣ тропическую ночь гдѣ нибудь въ пустынѣ Гиджаза или Нофуда и полудикаго кочующаго бедуина, остановившагося на привалѣ съ своей семьей, конемъ и верблюдомъ. Неподвижный шатеръ небесъ высится концентрически надъ его походнымъ шатромъ; голубоватый свѣтъ струится отъ мерцающихъ звѣздъ, наполняя пустыню какимъ то фантастическимъ сіяніемъ; моремъ серебра отливается необозримая песчаная даль; ароматы бальзама и мир-

ры стоятъ въ неподвижномъ воздухѣ... да, это чертогъ, это храмъ Всемогущаго“! ¹⁾).

Конечно, мы привели эти слова не съ тою цѣлю, чтобы опровергнуть то, что мы прежде сказали противъ Ренана, по поводу его выраженія: „пустыня монотеистична“. Мы признаемъ это выраженіе ложнымъ, если его понимать въ томъ смыслѣ, какой соединяетъ съ нимъ Ренанъ, т. е. что будто бы пустыня могла произвести въ обитателяхъ ея вѣру въ единого Бога. Мы привели факты, которые показываютъ, что пустыня вовсе не имѣетъ такого значенія для религіи ея обитателей. Теперь мы добавимъ, что чувство цѣлости, единства природы, которое, по мнѣнію профессора Петрова, способна возбуждать пустыня, можетъ такъ-же легко породить (мы допускаемъ пока это выраженіе, становясь на точку зрѣнія Ренана) монотеизмъ, какъ и пантеизмъ, и даже послѣдній скорѣе, потому что при монотеизмѣ остается двойственность бытія: признается бытіе премірнаго Бога и отдѣльнаго отъ него міра, а въ пантеизмѣ Богъ и природа сливаются въ одно нераздѣльное единство. Итакъ мы опять положительно утверждаемъ, что арабскій монотеизмъ нельзя считать продуктомъ тѣхъ впечатлѣній, которыя производила на душу Араба его родная пустынная природа. Но мы въ то же время думаемъ, что видъ величественной однообразной пустыни могъ поддерживать въ Арабахъ религіозное чувство и въ частности чувство единства Божества—монотеизмъ, послѣ того какъ они (Арабы) дошли до него какимъ вибудь инымъ путемъ. Въ такомъ только значеніи мы можемъ принять слова профессора Петрова.

¹⁾ Матеріалы для изученія и обличенія мохаммеданства 1. стр. 35—36.

Конечно, нельзя думать и того, чтобы благословеніе Ноемъ Сима было единственной причиной монотеизма Арабовъ, какъ потомковъ Сима, потому что не всѣ потомки Сима были монотеистами.

Но не придавая слишкомъ большаго значенія происхожденію Аравитянъ отъ Сима въ дѣлѣ ихъ монотеистической религіи, мы тѣмъ болѣе значеніе придаемъ происхожденію большинства ихъ отъ Авраама, — отъ сыновей его, рожденныхъ Хеттурою, отъ внука его Исава и особенно отъ Измаила — сына Агари. Это происхожденіе ихъ вдвойнѣ важно: во 1-хъ, они сдѣлались въ нѣкоторой степени участниками благословенія Божія, даннаго Аврааму и его сѣмени: *о Измаиль Я услышалъ Тебя; вотъ Я благословлю его* (Быт. 17, 20), сказалъ Богъ Аврааму; во 2-хъ, что еще важнѣе, упомянутые родоначальники Арабовъ знали объ откровеніяхъ Божіихъ Аврааму и, конечно, получили отъ Него истинныя и твердыя понятія о единомъ Богѣ. Измаиль жилъ съ Авраамомъ до 18-лѣтняго возраста; по преданіямъ арабскимъ Авраамъ навѣщалъ его и послѣ разлуки съ нимъ. Бытописатель говоритъ объ Измаилѣ, что *Богъ былъ съ нимъ*, когда онъ уже сталъ жить въ аравійской пустынѣ Фаранъ (Быт. 21, 20). Есть извѣстіе, что Измаиль, по повелѣнію Божію, проповѣдывалъ истинную вѣру въ единого Бога Джорхамидамъ, Іоктанидамъ, Амаликитянамъ и всѣмъ остальнымъ Арабамъ и что нѣкоторые племена приняли эту вѣру. Мохаммедъ въ своемъ коранѣ постоянно твердитъ, что Господь далъ Измаилу откровеніе и поручилъ ему сохранять чистою истинную вѣру и для другихъ людей, что Богъ Измаила есть Богъ Авраама и Исаака и что Измаиль былъ вѣренъ своимъ обѣщаніямъ истинному Богу, былъ апостоломъ и пророкомъ. Но можно полагать, на осно-

ваніи священнаго писанія, съ которымъ въ этомъ случаѣ согласенъ и коранъ, что и прочіе родоначальники Авраамова потомства въ Аравіи имѣли истинную вѣру въ единого Бога. Въ книгѣ Бытія Богъ говоритъ: *Я избралъ Авраама для того, чтобы онъ заповѣдалъ сынамъ своимъ* (слѣдовательно не одному Исааку, но всѣмъ дѣтямъ) *и дому своему послѣ себя ходитъ путемъ Господнимъ* (Быт. 18, 19). Коранъ утверждаетъ, что Авраамъ передалъ вѣру своимъ дѣтямъ и что онъ неоднократно горячо молилъ Бога, чтобы Онъ сохранилъ его дѣтей отъ языческаго служенія, и сдѣлалъ, чтобы его потомство было вѣрнымъ. Ученые полагаютъ, что Агарь, Хеттура, Исавъ съ семействами ихъ, подобно Измаилу, исповѣдывали истинную вѣру патріарховъ Авраама, Исаака и Іакова ¹⁾. Какъ велико было вліяніе Авраама на вѣру родоначальниковъ авраамовскихъ Арабовъ, видно изъ того уваженія, которое Арабы сохранили къ Аврааму даже до временъ Мохаммеда. Въ коранѣ истинность вѣры Мохаммеда доказывается согласіемъ ея съ вѣрою Авраама ²⁾. Предшественники Мохаммеда въ дѣлѣ очищенія религіи отъ служенія кумирамъ и другимъ предметамъ — Ханифы, составлявшіе особую секту ревнителей почитанія единого истиннаго Бога, смотрѣли на Авраама, какъ на основателя ихъ ученія, потому что онъ съ древнихъ временъ считался главнымъ хранителемъ ученія о единствѣ Божіемъ. Конечно, Ханифы выводили свое ученіе отъ Авраама съ тою цѣлію, чтобы придать ему (ученію) вѣсъ въ глазахъ современниковъ, а это предполагало большое уваженіе Арабовъ къ вѣрѣ Авраама.

¹⁾ См. Воронецъ—упомян. соч. стр. 42—45.

²⁾ Тамъ же стр. 128—129.

Такъ какъ теперь въ религіи Авраама были два элемента: съ одной стороны его собственная вѣра, религіозность и болѣе или менѣе чистыя понятія о Богѣ до времени откровеній, бывшихъ ему отъ Бога, а съ другой стороны особенное избраніе Божіе и откровенія, укрѣпившія естественную вѣру и религію партіарха; то и въ религіи аравійскихъ потомковъ его нужно видѣть дѣйствіе обоихъ этихъ элементовъ. По плотскому происхожденію отъ Авраама они приняли отъ него религіозную настроенность, которая была еще укрѣплена воспитаніемъ. Но воспитаніе ихъ было бы иное, если бы Авраамъ чрезъ откровенія не укрѣпилъ своей собственной вѣры. Кромѣ того Арабы не могли бы такъ цѣнить свою религію, а слѣдовательно и такъ сохранить ее, если бы родоначальникъ ихъ по плоти и по вѣрѣ не получалъ откровеній отъ Бога. Они всегда считали критеріемъ истинности своей вѣры согласіе ея съ вѣрою Авраама, а вѣру Авраама они уважали потому, что они помнили, что ему были откровенія Божія. Такимъ образомъ и въ религіи Арабовъ есть доля Божественнаго откровенія и доля вліянія его на ихъ религіозный характеръ.—доля, безъ сомнѣнія, несравненно меньшая, нежели въ религіи Евреевъ. Арабы получили отъ Авраама только немногія откровенныя истины и сохраняли ихъ только по преданію; а Евреи чрезъ многократныя откровенія Божіи, непрерывно продолжавшіяся во все время ихъ исторіи, получали все болѣе и болѣе вѣрныя и точныя понятія о Богѣ и, кромѣ того, религіозность ихъ и вѣра въ единаго истиннаго Бога поддерживалась въ нихъ чудесами, Богоявленіями и различными благодѣянiami Божіими. Все, чѣмъ религія Евреевъ превосходила религію Арабовъ, чѣмъ религіозный характеръ первыхъ былъ выше вторыхъ,—все это пужно при-

писать дѣйствию въ нихъ откровеній, чудесъ и вообще путеводительства Божія. Изъ естественныхъ факторовъ, поддерживавшихъ въ Арабахъ религіозность и относительно чистую вѣру въ единого Бога, кромѣ этого указаннаго дѣйствія на нихъ величественной пустынной природы и кромѣ природной религіозной настроенности, нужно указать на одну очень важную черту ихъ характера, которая принадлежитъ всѣмъ Семитамъ; мы разумѣемъ ихъ наклонность къ консерватизму, которая, вѣроятно, есть слѣдствіе крайне развитой воспріимчивости и малоспособности къ творчеству. Эта наклонность выразилась и въ ихъ образѣ жизни: Арабы, особенно жители пустынной части Аравіи, до сихъ поръ живутъ патріархально, въ шатрахъ, перекочевывая съ мѣста на мѣсто, какъ ихъ предки при Авраамѣ и Моисеѣ. При такомъ свойствѣ ихъ характера преданія переходятъ у нихъ изъ рода въ родъ, почти въ одной и той же формѣ. Тѣмъ болѣе нужно сказать это о преданіяхъ, связанныхъ съ жизнію ихъ родоначальника, потому что всѣ народы имѣютъ особенную привязанность къ преданіямъ о своемъ происхожденіи и любятъ передавать ихъ изъ рода въ родъ. Такъ какъ эти преданія были религіозныя, такъ какъ они были преданіями о вѣрѣ въ единого Бога и притомъ о вѣрѣ откровенной, то неудивительно, что монотеизмъ постоянно сохранялся у Арабовъ и былъ основнымъ фономъ ихъ религіи, который хотя и покрывался пятнами языческихъ суевѣрій, но не могъ быть закрытъ ими совсѣмъ.

Но дѣйствительно ли у Арабовъ сохранялась вѣра въ единого Бога—Бога Авраамова? Да, и мы можемъ подтвердить это фактами. Такъ какъ этотъ предметъ очень важенъ, то мы не можемъ ограничиться тѣмъ, что сказалъ о немъ Грау. Мы имѣемъ доказательство того, что если не всѣ, то по крайней мѣрѣ мно-

гіе Арабы сохраняли вѣру въ единого Бога до временъ Моисея. Не подлежитъ сомнѣнію, что Іовъ жилъ въ Аравіи, именно въ сѣверовосточной части ея. Въ прибавленіи въ книгѣ Іова, въ переводѣ LXX заимствованномъ прибавленіи изъ Сирской книги, Іовъ признается ¹⁾ потомкомъ Авраама въ пятомъ поколѣніи, слѣдовательно онъ жилъ не ранѣе временъ Моисея. Но можетъ быть онъ жилъ и гораздо позже. Іовъ, котораго самъ Богъ называлъ справедливымъ и богобоязливымъ, въ книгѣ представляется обладающимъ твердою вѣрою въ Бога *единого*, святаго, правосуднаго, всемогущаго, духовнаго и вѣчнаго. На основаніи дружбы, соединявшей Іова съ его друзьями и на основаніи ихъ бесѣды съ нимъ, нужно полагать, что и они были одной вѣры съ Іовомъ. Такъ какъ они называются царями, т. е. родоначальниками, шейхами племенъ, то и подвластныя имъ племена имѣли, конечно, одинаковыя съ ними понятія о Богѣ. Необычайное уваженіе, которымъ пользовался Іовъ въ своей странѣ и сила его голоса на судѣ и въ народныхъ собраніяхъ, о чемъ онъ самъ говоритъ въ 29 главѣ книгѣ, едва ли были бы возможны, если бы окружающіе его были иной съ нимъ вѣры.

Но даже и не въ одной сѣверовосточной части Аравіи была истинная вѣра въ единого Бога во времена Моисея. Въ сѣверозападной части Аравіи, около горы Синая жилъ тестъ Моисея Іофоръ, священникъ истиннаго Бога. И это названіе, и бракъ Моисея съ его дочерью, и пребываніе послѣдняго у тестя въ продолженіи 40 лѣтъ свидѣтельствуютъ о вѣрѣ Іофора въ единого истиннаго Бога. Всесоженіе, которое Іофоръ принесъ Богу, при своемъ посѣщеніи Моисея, участіе въ этомъ обрядѣ Аарона и всѣхъ старѣй-

1) ὡς υἱοῦ αὐτοῦ πέμπτου ἀπὸ Αβραάμ 42 гл. 17 ст.

шинъ израильскихъ, и наконецъ бесѣда Іофора съ Моисеемъ доказываютъ то же самое.

Если послѣ временъ Моисея вовсе не упоминается въ священномъ писаніи, чтобы Аравитяне или отдѣльныя лица изъ вхъ племени имѣли истинную вѣру въ единого Бога, то не потому, чтобы людей съ такой вѣрою не было, а по недостатку случаевъ къ упоминанію. Вѣдь и объ Іофорѣ упоминается только по соприкосновенности его съ исторіей Моисея. Съ большою вѣроятностію можно полагать, что не только близкіе, но даже и отдаленные потомки такихъ ревностныхъ поклонниковъ единого Бога, какъ Іофоръ и Іовъ, сохраняли вѣру въ Него.

Вражда нѣкоторыхъ аравійскихъ племенъ съ Евреями не умаляетъ этой вѣроятности, потому что эта вражда обуславливалась не религіозными, а политическими соображеніями: арабскія племена боялись потерять свою независимость и потому боролись съ Евреями. Шлоссеръ говоритъ, что до половины третьяго вѣка по Р. Христовѣ религія почитателей Каабы была въ сущности религіей Авраама и только послѣ, во время господства Корейшитовъ, древняя религія исказилась и въ Каабу стали ставить идоловъ ¹⁾. При томъ Арабы почитали идоловъ не за боговъ, а за представителей низшихъ въ сравненіи съ Богомъ существъ, Джинновъ или ангеловъ, управляющихъ міромъ по соизволенію Божію и служащихъ посредниками между человѣкомъ и слишкомъ удаленнымъ отъ него и возвышеннымъ единымъ Богомъ. Въ это время они почитали также солнце, звѣзды и планеты, какъ жилище этихъ существъ. ²⁾ Почи-

¹⁾ Всемирн. Истоп. т. 5. стр. 20.

²⁾ Die Araber beteten Götzenbilder an und entschuldigten sich, indem sie sagten: „Wir verehren diese bloss desshalb, damit sie uns Gott ganz

тая Аллаха всевышнимъ существомъ, творцемъ неба и земли, Арабы почитали ангеловъ и ихъ представителей—на землѣ идоловъ, на небѣ звѣзды—потому, что ангелы, по представленію Арабовъ, были ближе къ человѣку, нежели Богъ; но ихъ вовсе не считали равными по существу съ Аллахомъ, а напротивъ зависимыми отъ него, служащими ему и сотворенными имъ. У Арабовъ явилось и развилось деистическое представленіе о Богѣ, Который будто бы слишкомъ возвышенъ надъ міромъ и Который поэтому только вообще управляетъ міромъ, а въ частностяхъ предоставляетъ управлять низшимъ существамъ. Такимъ образомъ и въ этотъ темный періодъ исторіи религіозной жизни Арабовъ у нихъ не было въ собственномъ смыслѣ многобожія, а только исказились ихъ древнія чистыя понятія объ отношеніи между Богомъ и человѣкомъ. Воронецъ въ своемъ сочиненіи приводитъ изреченія многихъ арабскихъ поэтовъ изъ 6 и 7 вѣковъ по Рождествѣ Христовомъ, свидѣтельствующія объ ихъ вѣрѣ въ единого Аллаха, и если принять во вниманіе необычайный почетъ, какимъ пользовались у Арабовъ поэты, изреченія которыхъ заучивались наизусть, то можно утверждать, что среди Арабовъ не одни поэты были поклонниками единого Аллаха. Впрочемъ Воронецъ, на основаніи исторіи Арабовъ Коссена-де-Персеваля, приводитъ въ доказательство этого и положительные факты.¹⁾

Но хотя единобожіе у Арабовъ по существу оставалось, все таки были и искаженія истинной вѣры. Нашлись среди Арабовъ люди, которые не удовлетворялись религіей, представлявшей смѣсь вѣрованій языческихъ, іудейскихъ, искаженныхъ христіанскихъ,

nahe bringen mögen. Chwolsohn—Die Ssabier und der Ssabismus. B. II. s. 405.

¹⁾ Упомян. сочин. I, стр. 108—122.

и стремились возстановить древнюю простую религію Авраама. Уже въ стихотвореніяхъ поэтовъ довольно ясно высказывалось это стремленіе; но со всею силою оно выразилось въ ученіи упомянутыхъ Ханифовъ, которыхъ можно назвать арабскими пуританами. Въ ханифскомъ движеніи, которое нужно разсматривать, какъ реакцію остававшихся еще воспоминаній и преданій о чистой древней вѣрѣ Авраама противъ искаженій ея и языческихъ суевѣрій, сказалась сила и жувучесть преданія у Арабовъ. Ханифы были непосредственными предтечами Мохаммеда и до него еще проповѣдывали исламъ. Самъ Мохаммедъ называлъ свое ученіе ханифствомъ, религіей Авраама ¹⁾. Поэтому то можно согласиться съ словами Ренана, что Мохаммедъ только послѣдовалъ религіозному движенію своего времени, а вовсе не опередилъ его ²⁾.

Но дѣйствительно ли Мохаммедъ проповѣдывалъ и возстановлялъ древнюю религію Авраама? Удержали ли Арабы старую чистую религію Авраама при всемъ уваженіи къ ней, при всей своей способности сохранять древнія преданія и при своемъ нерасположеніи къ нововведеніямъ? Нѣтъ, Мохаммедъ только обманывалъ своихъ соотечественниковъ, называя свое ученіе согласнымъ съ религіей Авраама. Уже одинъ изъ Ханифовъ Абу-Амиръ упрекалъ его въ этомъ обманѣ. При встрѣчѣ съ Мохаммедомъ Абу-Амиръ спросилъ его: „какой религіи учишь ты“? Мохаммедъ: — ханифству, религіи Авраама. Абу-Амиръ: „знаю ее и я“. Мохаммедъ—твоя религія не ханифство. Абу-Амиръ: „я-то безъ сомнѣнія знаю ханифство, но ты, Мохаммедъ, вводишь ученіе ему чуж-

¹⁾ Тамъ же стр. 135.

²⁾ Etudes d'histoire religieuse, p. 278.

дое“. Мохаммедъ:—этого я не дѣлаю, а только проповѣдую ханифство въ совершенной чистотѣ ¹⁾). Конечно, въ Коранѣ много хорошаго и истиннаго, что основаніе свое имѣетъ въ ветхозавѣтномъ или новозавѣтномъ писаніи или прямо заимствовано оттуда. Удержанъ монотеизмъ—древняя форма религіи Арабовъ; Богъ, какъ и въ религіи Авраама, представляется всемогущимъ, премірнымъ, высочайшимъ существомъ; совершенно отвергается языческое обоготвореніе природы или смѣшеніе Божества съ міромъ. Но между тѣмъ какъ въ іудейской религіи Божество понимается прежде всего какъ нравственное существо, какъ существо святое, праведное, милосердное, и отношеніе къ Нему человѣка также опредѣляется преимущественно съ нравственной стороны, какъ отношеніе любви, покорности, преданности Ему, вѣры въ Него и надежды на Него; исламъ представляетъ Божество преимущественно какъ абсолютную силу, съ Которымъ поэтому человѣкъ находится не столько въ отношеніи любви и почтенія, сколько пассивной зависимости отъ Него, при чемъ вмѣняется ни во что собственная воля человѣка. Богъ понимается не чисто нравственно, какъ святая и всеильная любовь, но натуралистически—абстрактно, какъ абсолютная сила и необходимость. Это понятіе о Богѣ выразилось въ мохаммеданскомъ ученіи о судьбѣ, о фатализмѣ. Что исламъ не есть религія святой любви человѣка къ Богу и человѣка къ человѣку, это доказывается тѣмъ, что лжепророкъ предписываетъ правовѣрнымъ распространять исламъ мечемъ и огнемъ и обѣщаетъ за это рай. Исламъ проповѣдуетъ не нравственную свободу въ отношеніяхъ Бога къ человѣку и человѣка къ человѣку, а насиліе. Какъ че-

¹⁾ Воронцовъ. цитов. соч. 1. стр. 135

ловѣкъ не можетъ предаться этому Богу всѣмъ сердцемъ, такъ невозможно при этомъ представленіи о Божествѣ истинное, внутреннее освященіе человѣческаго существа. Все отношеніе человѣка къ Богу ограничивается въ исламѣ исполненіемъ безчисленныхъ внѣшнихъ заповѣдей; живой Богъ любви становится здѣсь мертвымъ отвлеченнымъ закономъ. Но чѣмъ абстрактнѣе и, повидимому, духовнѣе понимается Божество, тѣмъ чувственнѣе становится отношеніе людей между собою. Исламъ допускаетъ многоженство. Такъ какъ Богъ, по представленію мусульманъ, не есть всесовершенная любовь, а слѣдовательно не есть и всесовершенная жизнь, то, въ замѣнъ духовной блаженной жизни въ общеніи съ Богомъ, даже блаженство будущей, райской жизни полагается въ чувственныхъ наслажденіяхъ. Однимъ словомъ въ исламѣ къ истинамъ откровенія примѣшаны человѣческія измышленія. Исламъ есть религія наполовину рационалистическая. Въ немъ древнее истинно-текстическое понятіе о Богѣ стоитъ, такъ сказать, на пути къ деизму, слѣды котораго были въ арабской религіи еще до Мохаммеда.

Что касается до всемірно-историческаго значенія ислама, то онъ обязанъ имъ, конечно, не генію Мохаммеда, а отчасти религіозности Арабовъ, отчасти силѣ истинъ, заключающихся въ древней арабской религіи, въ которой находятся корни и основаніе ислама, отчасти наконецъ истинамъ, заимствованнымъ изъ христіанства. Мохаммедъ и его преемники, потворствуя человѣческой чувственности, чтобы двинуть народъ на завоеванія и подъ видомъ распространенія вѣры распространить мірское могущество, воспользовались для этого духовною силою Богооткровенныхъ истинъ.

Сдѣлаемъ сводъ сказаннаго объ арабской религіи.

Религія арабская—монотеизмъ, получила начало свое изъ откровенія. Воспоминаніе о виновникѣ этого откровенія, родоначальникѣ Арабовъ Авраамъ, постоянно поддерживало въ Арабахъ стремленіе не отступать отъ своей древней чистой религіи и сопротивляться всякимъ искаженіямъ и измѣненіямъ въ ней, появлявшимся преимущественно отъ чужеземнаго языческаго вліянія. Сила и живучесть этого воспоминанія находили большую поддержку въ характерѣ Арабовъ, отличающихся религіозностію и склонныхъ къ сохраненію древнихъ народныхъ преданій и установившагося порядка жизни; монотеизмъ, кромѣ того, находилъ опору и въ самой простой, но величественной природѣ Аравіи. Однако, несмотря на всѣ благопріятныя условія для сохраненія въ неприкосновенности древней Богооткровенной монотеистической религіи, она до Мохаммеда затемнялась языческими суевѣріями; а стремленіе очистить ее отъ послѣднихъ произвело раціоналистическую религію,—исламъ, въ которой къ истинамъ откровенія примѣшаны измышленія лжепророка Мохаммеда, которыя выдавались имъ за Божественныя откровенія и были приняты за таковыя Арабами. Хотя къ ученію лжепророка Арабы сначала относились съ неохотою, недоувѣріемъ и даже положительно сопротивлялись введенію его, однако въ концѣ концовъ оно укоренилось среди Арабовъ.

Разсмотрѣніе религіи Арабовъ въ ея судьбахъ даетъ намъ право сдѣлать довольно важный для христіанскаго апологета выводъ. Именно, если народъ перестаетъ руководиться въ своей вѣрѣ преимущественно откровеннымъ ученіемъ, то онъ легко впадаетъ въ опасность принять ложь за истину, потерять истинную религію или исказить ее, несмотря на всѣ благопріятныя условія для сохраненія имъ чисто-

ты вѣры и вопреки собственному желанію. Если народъ въ своей религіи не твердо держится почвы откровеннаго ученія, то она скоро перестаетъ быть абсолютно истинной, хотя бы она и была таковой сначала, искажается и затмевается суевѣріемъ, невѣжествомъ, ложью, своекорыстіемъ, тонкостями раціонализма. Сколько лжи должно заключаться въ религіяхъ естественныхъ, въ основаніи которыхъ почти вовсе нѣтъ истинъ сообщаемыхъ человѣку сверхъестественнымъ образомъ, о томъ нечего и говорить. Подлинно, истинная религія есть даръ Божій, а не изобрѣтеніе самого человѣка.

Разборъ мнѣнія Грау о значеніи расовыхъ особенностей Арійцевъ для ихъ религіознаго развитія.

Намъ нечего распространяться здѣсь о взглядѣ Грау на то, какое значеніе имѣлъ для религіи Арійцевъ ихъ объективизмъ, потому что мы высказали свое мнѣніе объ этомъ предметѣ при критическомъ разборѣ Ренана. Мы повторяемъ, что объективизмъ, стремленіе Арійцевъ познавать разнообразіе міра, сами по себѣ не могли быть первой причиной ихъ политеизма. Впрочемъ мы не хотимъ отрицать того, что объективизмъ Арійцевъ вліялъ на характеръ ихъ религіознаго чувства и на характеръ ихъ политеизма. Между тѣмъ какъ у Семитовъ при пассивности ихъ натуры и вслѣдствіе развитости чувства преобладающій тонъ въ религіозномъ чувствѣ ихъ есть страхъ предъ Богомъ и чувство зависимости отъ Него, у Арійцевъ, напротивъ, при ихъ объективизмѣ и соединенной съ нимъ активности, мужественности натуры, религіозное чувство выражалось въ почтеніи къ Божеству, въ благоговѣніи. Различіе въ характерѣ ре-

лигіознаго чувства Семитовъ и Арійцевъ условливало различіе въ характерѣ ихъ религій.

Переходимъ къ другой особенноти Арійцевъ, которой Грау приписываетъ большое, хотя и неблагопріятное вліяніе на ихъ религію. Особенность эта состоитъ, по его мнѣнію, въ томъ, что Арійцы болѣе стремятся познавать Бога, нежели находиться къ Нему въ нравственномъ отношеніи, которое выражается въ любви къ Богу, въ преданности Ему. Такъ какъ нравственное отношеніе къ Богу важнѣе интеллектуальнаго и есть самое истинное отношеніе къ Нему, то поэтому Арійцы теряютъ истинную религію и ихъ собственныя религіи оказываются несостоятельными. Правда ли все это? Мы признаемъ справедливымъ то, что любить Бога важнѣе, нежели познавать Его; признаемъ и то, что у Арійцевъ способности познавательныя несравненно шире и богаче, нежели у Семитовъ и у другихъ народовъ; допускаемъ особенную наклонность въ Арійцахъ изслѣдовать и познавать вселенную и Бога: но мы не думаемъ, чтобы именно чрезъ это Арійцы теряли Бога, и ихъ религіи дѣлались не истинными, и не долговѣчными.

Мы не думаемъ, чтобы Арійцы, ища Бога преимущественно умомъ, теряли Его. Нѣтъ сомнѣнія, самородныя арійскія религіи пали отъ того, что онѣ были религіями не истинными, извращенными. Вопросъ только въ томъ, отъ чего зависѣла неистинность арійскихъ религій. Конечно, не отъ того, что у Арійцевъ умъ преобладаетъ надъ прочими способностями духа. Умъ есть высшая способность человѣка, и онъ для религіи почти такъ же важенъ, какъ и чувство. Самъ Грау упрекаетъ Шлейермахера за то, что онъ органомъ религіи въ человѣкѣ признаетъ только чувство. Правда, источникомъ религіи служить чувство;

но если человекъ будетъ въ своей религіи руководиться единственно чувствомъ, то онъ скоро потеряетъ устойчивость, сойдетъ съ истиннаго пути, и религія его извратится.—Съ другой стороны и религія головы, ума не можетъ имѣть подобающей религіи дѣйственности, не можетъ освящать человека и приближать его къ Богу, слѣдовательно, не можетъ выполнять главнаго назначенія всякой религіи, а потому не можетъ быть названа религіей полной, совершенной. Она никогда не можетъ удовлетворить человека, она не имѣетъ сильнаго вліянія на жизнь и нравственную дѣятельность человека, и потому ей грозитъ постоянная опасность подвергнуться извращенію и упадку. Для религіи недостаточно ни одного ума, ни одного чувства, но тому и другому должна быть уступлена извѣстная доля участія въ религіи, и оба они должны опредѣлять волю къ нравственной дѣятельности, которая, получая освященіе и возвышеніе въ религіи, сама служитъ для ней опорой. Чтобы религія была сильна, долговѣчна, истинна, въ ней должны быть соединены умъ и чувство. Вопросъ теперь сводится къ тому, были ли религіи арійскія религіями только головы, ума. Грау отвѣчаетъ на этотъ вопросъ утвердительно и въ доказательство упоминаетъ о томъ, что у Аріидевъ были философы, стремившіеся создать религію чисто разсудочнымъ образомъ. Но онъ упускаетъ изъ вида, что ученіе философовъ о Богѣ и объ отношеніи къ Нему человека и міра явилось очень поздно, когда уже возникло сознаніе недостаточности и неистинности народной религіи, когда послѣдняя разрушалась и когда нужно было чѣмъ нибудь замѣнить ее. Ученіе философовъ въ собственномъ смыслѣ нельзя назвать религіей; ученіе ихъ было чуждо народу, а иногда и воз-

мущало его религіозное чувство. Но до періода философскаго развитія у Арійцевъ существовали религіи, которыя въ собственномъ смыслѣ можно назвать религіями народными, потому что онѣ исповѣдывались всѣмъ народомъ и были произведеніемъ народнаго генія. Эти-то религіи должно принимать во вниманіе, когда рѣчь идетъ объ отношеніи расовыхъ особенностей къ религіи. Эти-то религіи Арійцевъ и оказались несостоятельными и разрушились. Но эти религіи всего менѣе можно назвать разсудочными. Они созданы первобытнымъ человѣкомъ, а онъ болѣе чувствуетъ, нежели разсуждаетъ, болѣе живетъ, нежели мыслитъ. Его религія есть не менѣе или, можетъ быть, даже болѣе непосредственное изліяніе его чувства—религіознаго, эстетическаго, нравственнаго, нежели продуктъ его умственной дѣятельности. Не то мы хотимъ этимъ сказать, будто умственная дѣятельность не принимала никакого участія въ созданіи народныхъ религій Арійцевъ, но то, что не одна она и даже не преимущественно она при этомъ дѣйствовала. Но чувство было сильно въ Арійцахъ не въ первобытныя только времена: Арійцы всегда съ богатыми умственными способностями обладали довольно сильнымъ чувствомъ. Они превзошли всѣ прочіе народы во всѣхъ искусствахъ. Самъ Грау говоритъ, что они только въ священной лирической поэзіи уступаютъ Семитамъ, превосходя ихъ во всѣхъ другихъ родахъ поэзіи и во всѣхъ искусствахъ; а поэзія и вообще искусство немислимы безъ чувства. У Арійцевъ чувство выражается не такъ стремительно, какъ у Семитовъ, потому, что у послѣднихъ оно развито односторонне, въ ущербъ другимъ способностямъ; первые же отличаются гармоническимъ развитіемъ всѣхъ силъ и способностей. ¹⁾ Ихъ чувство кажется ме-

¹⁾ О равномѣрномъ развитіи способностей у Арійцевъ, какъ от-

нѣе сильнымъ, нежели чувство Семита, потому что оно умѣряется дѣйствіемъ другихъ сторонъ духа, напр. познавательной способностію.

На основаніи сказаннаго мы можемъ заключать, что причина извращенности и отсюда несостоятельности арійскихъ религій заключается вовсе не въ недостаткѣ у Арійцевъ чувства, и не въ преизбыткѣ у нихъ умственныхъ силъ, и не въ наклонности ихъ познавать вещи.

Но въ чемъ же заключается причина ложности и недолговѣчности арійскихъ религій? Мы можемъ прямо сказать, что не въ расовыхъ особенностяхъ ихъ. Если бы единственная и главная причина неистинности всякой вообще религіи лежала въ характерѣ духовныхъ способностей народа или расы, съ которыми она создана, въ слабости той или другой изъ этихъ способностей, въ неравномѣрномъ отношеніи ихъ между собою, то въ такомъ случаѣ арійскія религіи были бы самыми истинными и самыми долговѣчными изъ всѣхъ естественныхъ религій. Арійцы отличаются равномѣрнымъ развитіемъ всѣхъ способностей, и хотя умственная способность у нихъ особенно развита, но значительно развито и чувство. Такое гармоническое взаимоотношеніе способностей духа должно бы было предохранять арійскія религіи отъ тѣхъ извращеній, которыя, какъ мы видѣли, скоро являются тамъ, гдѣ органомъ религіи бываетъ или одна умственная или одна чувствительная способность ¹⁾. Если у Арійцевъ преимуществоуетъ умственная способность, то это такъ и должно быть, потому что умъ, разумъ есть высшая изъ всѣхъ способнос-

личительной ихъ особенности, смотр. у Лассена *Jndiche Alterthumskunde* I B. 1, S. 413—414.

¹⁾ Мы раздѣляемъ такъ способности, конечно, не въ строгомъ смыслѣ.

тей человѣка. И Апостолъ Павелъ причину многобожія и языческаго нечестія между прочимъ видитъ въ томъ, что люди не заботились имѣть Бога въ разумѣ (Римл. 1, 28).

Поэтому, причину извращенности и несостоятельности арійскихъ религій нужно искать не въ любознательности Арійцевъ, не въ стремленіи ихъ познавать Бога, не въ силѣ ихъ умственной способности. Если Грау думаетъ иначе, то это объясняется его пристрастіемъ къ Семитамъ и несправедливостію по отношенію къ Арійцамъ. Не здравый умъ, не стремленіе къ познанію, а извращенный умъ и ложное познаніе дѣлаютъ религію извращенною и недолговѣчною. И это нужно сказать о религіи не однихъ Арійцевъ, а всѣхъ народовъ. Апостолъ Павелъ говоритъ, что такъ какъ люди не заботились имѣть Бога въ разумѣ, то предалъ ихъ Богъ превратному уму (Римл. 1, 28). Можно расширить эту мысль и сказать, что извращеніе не одного ума, но и всякой другой душевной способности, всего человѣка, было причиной извращенности и сложности его религіи. Человѣкъ съ извращеннымъ чувствомъ точно такъ же не можетъ быть въ истинномъ отношеніи къ Богу, какъ и человѣкъ съ извращеннымъ умомъ. Естественныя религіи Семитовъ, у которыхъ преобладаетъ чувство, точно такъ же были ложны и потому не могли быть долговѣчны, какъ и естественныя религіи Арійцевъ, у которыхъ преимущественно развита познавательная способность. Дѣйствительно, какъ скоро Семиты переставали руководствоваться откровеннымъ ученіемъ, такъ они впадали въ самый грубый натурализмъ. Сила чувства не предохраняла ихъ отъ извращеній и заблужденій въ религіи. Вообще всѣ естественныя религіи ложны и всѣ онѣ падаютъ при встрѣчѣ съ истинной боготкровенной религіей. Это очень понят-

но: естественная религія есть созданіе духа человѣческаго и потому должна отражать въ себѣ всѣ недостатки его. Намъ удивляетъ недалковидность Грау, съ которой онъ причину извращенности и недолговѣчности арійскихъ религій находитъ въ расовыхъ особенностяхъ Арійцевъ, между тѣмъ какъ эти недостатки составляютъ принадлежность всѣхъ естественныхъ религій, потому что причина этихъ недостатковъ лежитъ въ свойствахъ, общихъ всѣмъ людямъ. Арійцы отличаются въ этомъ отношеніи отъ другихъ народовъ только тѣмъ, что при своей даровитости сами доходятъ до сознанія ложности и неудовлетворительности своихъ религій, по крайней мѣрѣ это можно сказать о передовыхъ людяхъ этой расы; народы же другихъ расъ не настолько даровиты и развиты, чтобы самими дойти до сознанія, что ихъ религіи извращенны.

Справедливость нашего мнѣнія и неправильность взгляда Грау касательно долговѣчности арійскихъ религій мы можемъ подтвердить историческими фактами. Если принять взглядъ Грау, что причина извращенности и потому недолговѣчности религій Арійцевъ заключается въ особенностяхъ ихъ духа, которыхъ не имѣютъ народы, принадлежащіе къ другимъ расамъ, и если допустить, что эти особенности сохранились у нихъ до сихъ поръ, а допустить это мы должны, то непонятно, какимъ образомъ христіанство — истинная религія распространилось именно между арійскими народами, и болѣе всего и прежде всего между ними; еще менѣе понятно, какъ оно, существуя у нихъ въ продолженіи почти двухъ тысячъ лѣтъ, остается не искаженнымъ, по крайней мѣрѣ въ своихъ существенныхъ чертахъ. ¹⁾ Если нѣ-

¹⁾ Мы говоримъ о большинствѣ арійскихъ народовъ, не принимая въ расчетъ частныхъ.

которые арійскіе народы искажали и доселѣ искажаютъ христіанство, то искаженія, вѣроятно, внесены были бы въ него и другими народами, которые бы стали исповѣдывать его. По характеру своему искаженія были бы различны у разныхъ народовъ, какъ различны и самые характеры народовъ; но что они непременно были бы,—сомнѣваться въ этомъ, кажется, нѣтъ возможности: человѣкъ не можетъ избѣжать заблужденій въ томъ или иномъ видѣ. Фактъ, что христіанство распространилось преимущественно между арійскими народами и сохраняется въ средѣ ихъ въ теченіи многихъ вѣковъ, показываетъ, что въ природныхъ особенностяхъ ихъ духа не только нѣтъ препятствія къ принатію ими и сохраненію истинной религіи, но что они даже способнѣе къ этому другихъ народовъ. Но если они оказались способнѣе прочихъ народовъ понять истинность христіанской религіи и принять эту религію, то трудно допустить, чтобы ихъ естественныя религіи были болѣе извращены и грубы, нежели религіи другихъ народовъ. То религиозное чувство, тотъ свѣтлый умъ, которые открыли имъ божественность, истинность и красоту христіанства, оставались съ ними всегда и должны были предохранить ихъ отъ многихъ грубыхъ заблужденій, свойственныхъ религіямъ другихъ народовъ. Исторія подтверждаетъ это. Самъ же Грау ставитъ естественныя религіи Арійцевъ по достоинству и чистотѣ выше хамитическихъ религій. Дѣйствительно, все высокое, до чего человѣческій духъ могъ достигнуть въ области религіи собственными силами,—все это сдѣлано арійскими народами. Естественныя религіи другихъ народовъ можно назвать скудными въ сравненіи съ религіями Арійцевъ. Подтверждать нашу мысль фактами нѣтъ нужды. Всякому извѣстно, что религіи Германцевъ, Индійцевъ, Персовъ, Гре-

ковъ и Римлянъ и по богатству содержанія и по нравственной чистотѣ далеко превосходить естественныя религіи народовъ иныхъ расъ.

Если же и самыя высокія и лучшія изъ естественныхъ религій разрушены и отвергнуты были тѣми самыми народами, которые создали ихъ тогда, когда стояли на низшей ступени своего развитія, то здѣсь мы находимъ новое подтвержденіе той мысли, къ которой насъ привело разсмотрѣніе исторіи арабской религіи, именно, что религія, оторванная отъ откровенія или неоснованная на немъ, не можетъ быть истинной. Религіи Арійцевъ не могли быть истинными и долговѣчными, потому что онѣ религіи естественныя, а не Богооткровенныя.

Но если Арійцы произвели въ области естественной религіи лучшее, что только могъ создать человѣческій духъ, предоставленный своимъ силамъ, то почему же ветхозавѣтное откровеніе не дано было какому нибудь изъ арійскихъ народовъ. Повидимому, здѣсь не соблюдено слово Господа: *всякому имѣющему дастся и приумножится* (Мф. 25, 29). Конечно, намъ трудно проникнуть въ планы Божественныя. Апостолъ Павелъ въ заключеніе своихъ мыслей касательно того непостижимаго историческаго факта, что избранный іудейскій народъ былъ отвергнутъ, а язычники, прежде отверженные, приняты къ участию въ царствѣ Божіемъ восклицаетъ: *о бездна богатства, и премудрости, и вѣдѣнія Божія! какъ непостижимы судьбы Его, и неизслѣдимы пути Его.* (Римл. 11, 33). Если мы съ трудомъ можемъ объяснить, почему извѣстное естественное историческое событіе совершилось такъ, а не иначе, то еще труднѣе намъ понимать ходъ событій въ священной исторіи, гдѣ имѣютъ значеніе не столько естественныя силы человека, сколько сверхъестественныя дѣйствія Божія.

Если трудно опредѣлить причины событія совершившагося, то несравненно труднѣе сказать, почему предполагаемаго нами случая или факта не было. Легче, напримѣръ, объяснить, почему именно Іудеямъ вручено ветхозавѣтное откровеніе, нежели сказать, почему ни одинъ изъ арійскихъ народовъ не получилъ его. Поэтому-то на предложенный нами вопросъ невозможно дать положительнаго и твердаго отвѣта, здѣсь возможны только предположенія и гаданія.

Можно думать, что причина, по которой Богъ не изъ Арійцевъ избралъ свой народъ, заключается въ ихъ наклонностяхъ и свойствахъ, противоположныхъ тѣмъ, которыя сдѣлали Семитовъ способными принять и сохранить откровеніе. Въмѣсто вѣры, свойственной Семитамъ, у Арійцевъ—пытливость и любознательность. Въмѣсто смиренной преданности Богу, чувства зависимости отъ Него и страха предъ Нимъ, отличающаго Семитовъ, у Арійцевъ—гордое сознаніе своего достоинства, своихъ силъ и способностей. Натура Семитовъ пассивно воспріимчива; у Арійцевъ, напротивъ, преобладаетъ мужественная, энергическая воля, желаніе не подчиняться посторонней силѣ, а побѣждать ее. Бѣдность и узкость духа Семитовъ побуждали ихъ не надѣяться на себя, а искать опоры во Всемогущемъ; напротивъ, многосторонность и широта духа Арійцевъ внушали послѣднимъ надежду на свои собственные силы. Семиты консервативны, а Арійцы свободомыслящи, вольнолюбивы, склонны къ прогрессу.

Пытливость духа могла препятствовать Арійцамъ принять откровеніе потому, что въ немъ много тайнъ и поэтому требуется много вѣры, которой имъ не доставало. Арійцы, по своей даровитости и вызываемой ею гордости, имѣли мало страха предъ Богомъ

и слабо чувствовали зависимость отъ Него. „Болѣ гордые и самонадѣянные, чѣмъ Семиты, арійскіе мыслители дерзають изслѣдовать послѣднія основанія не только міра, но и боговъ, говоритъ Блунчли. Арійскіе герои въ гнѣвномъ чувствѣ справедливости не боятся вступать въ битву даже съ богами и оспаривать у нихъ побѣду“. ¹⁾ „Неустрасимый арійскій воинъ, говоритъ Гобино, дерзаль проникать въ эфирное жилище боговъ и свергать ихъ съ трона. Индра (главный богъ народной индійской религіи) постоянно трепеталь, опасаясь, какъ бы неукротимый смертный не вырваль у него скипетра“. ²⁾ А безъ чувства страха Арійцы были бы плохими исполнителями заповѣдей во времена ветхаго завѣта, когда исполненіе ихъ обезпечивалось преимущественно страхомъ наказаній и обѣщаніемъ наградъ, когда люди по отношенію къ Богу были еще въ состояніи не сыновства, а рабства. Если бы они не стали исполнять заповѣдей, то не сохранили бы и откровенія во всей неприкосновенности и чистотѣ. Свободомысліе Арійцевъ, наклонность ихъ къ прогрессу и перемѣнамъ, выражающіяся, между прочимъ, въ томъ, что они легче Семитовъ образовывали и преобразовывали свои релвгіи и видоизмѣняли ихъ сообразно съ прогрессомъ своего знанія, не могли представлять ручательства за то, что откровеніе было бы сохранено Арійцами во всей цѣлости.

Является вопросъ, какимъ образомъ Арійцы, менѣе способные, нежели Семиты, къ принятію и сохраненію ветхо-завѣтнаго откровенія, оказались способнѣе не только ихъ, но и другихъ народовъ, къ принятію христіанства? Къ нашему удивленію Грау

¹⁾ Alt-asiatische Gottes-und Weltideen s. 19.

²⁾ Sur l'inegalité des races humaines. 2. p 118.

не ставить себѣ этого вопроса, а потому, понятно, и не разрѣшаетъ его. Между тѣмъ этотъ вопросъ легко возникаетъ при чтеніи его книги.

Разрѣшенія этого вопроса требовала отъ Грау апологетическая задача его сочиненія, въ которомъ онъ полемизируетъ противъ того воззрѣнія, будто христіанство, какъ семитическая религія, несвойственно природѣ Арійцевъ. Въ самомъ дѣлѣ, если Семиты были способны принять откровеніе, а Арійцы нѣтъ ¹⁾, и если это высказываетъ самъ Грау, то не разрушаетъ ли онъ этимъ того, что самъ защищаетъ, то есть убѣжденія въ необходимости для Арійцевъ христіанской религіи? Не поддерживаетъ ли онъ этимъ своихъ противниковъ, которые могутъ его-же словами ему сказать, что если Арійцы не были способны къ принятію откровенія, то напрасно имъ и навязывать откровенную религію, и что правы изъ нихъ тѣ, которые желаютъ свергнуть съ себя иго христіанства, какъ религіи несвойственной природѣ Арійцевъ. Постановка и разрѣшеніе упомянутаго вопроса нужны были Грау и для защиты его теоріи, по которой Семиты выше Арійцевъ въ религіи. Въ самомъ дѣлѣ, если Евреи, имѣвши нѣкогда истинную религію, потеряли ее и не приняли абсолютно истинной религіи христіанской, тогда какъ, напротивъ, почти всѣ Арійцы приняли эту послѣднюю и не только приняли, но и распространили ее между прочими расами; то сомнительно отдавать предпочтеніе въ религіи Семитамъ предъ Арійцами.

Постараемся отвѣтить на поставленный нами вопросъ. Мы не будемъ распространяться долго о томъ, что христіанство, какъ универсальная и истинная ре-

¹⁾ Христіанство они приняли уже отъ Семитовъ, а не непосредственно отъ Бога.

лигія, можетъ и должно быть принято всѣми людьми, слѣдовательно и Аріѣцами, и нѣтъ такой расы, природѣ которой христіанство могло бы быть несвойственно. Душа по природѣ христіанка. Мы не будемъ говорить и о томъ, что христіанство, предназначенное для распространенія между всѣми народами земли, должно было распространиться прежде и болѣе всего между Аріѣцами, такъ какъ они, во время появленія его господствуя надъ міромъ, были разсѣяны во всѣхъ извѣстныхъ тогда странахъ его и потому не могли не встрѣтиться съ новымъ ученіемъ, а апостолы не могли не проповѣдывать его имъ. Не станемъ говорить объ этомъ потому, что это внѣшнія и притомъ слишкомъ общія причины того, что Аріѣцы приняли христіанство. Мы укажемъ на болѣе частныя и внутреннія причины этого факта.

1). Одно изъ самыхъ важныхъ препятствій къ тому, чтобы Аріѣцы могли принять откровеніе, лежало въ ихъ даровитости и въ соединенныхъ съ нею самонадѣянности, любви къ независимости и стремленія до всего доходить собственными силами. Предъ появленіемъ христіанства это препятствіе если не было уничтожено совсѣмъ, то по крайней мѣрѣ было очень ослаблено ходомъ исторической жизни Аріѣцевъ. Исторія доказала Аріѣцамъ, что если для чего недостаточно собственныхъ силъ человѣка, какъ бы онѣ ни были велики, такъ это для созданія истинной и долговѣчной религіи. Предъ пришествіемъ Іисуса Христа на землю народныя религіи Грековъ и Римлянъ, самыхъ образованныхъ и сильныхъ въ то время между Аріѣцами народовъ, едва владели свое существованіе, непригодность ихъ и лживость были признаваемы почти всѣми благомыслящими современниками. Философскія теоріи, подрывавшія народную религію, сами не могли замѣнить ее и удовлетворить религіозное

чувство народа, которое, несмотря на индеферентизмъ времени, все-таки было еще сильно. При томъ скоро онѣ оказались и сами по себѣ несостоятельными. Что же оставалось дѣлать? Принять религіи другихъ народовъ? Правда, въ Римскомъ пантеонѣ собраны были, какъ покровители Рима, боги всѣхъ покоренныхъ этимъ городомъ народовъ. Но народъ, конечно, понималъ, что чужія религіи нисколько не содержательнѣе и не истиннѣе его собственной. Вотъ это-то сознаніе лживости религій, созданныхъ самимъ человѣкомъ, созрѣвавшее долгое время и составлявшее въ сущности только часть того убѣжденія, что человѣкъ не можетъ самъ, своими силами устроить нормальную и счастливую жизнь, побуждало образованнѣйшихъ изъ арійскихъ народовъ не пренебрегать сверхъестественными средствами, а напротивъ искать ихъ и съ жадностію принимать. Такое средство именно въ это время и предлагалось всѣмъ желавшимъ имъ воспользоваться; мы разумѣемъ христіанство. Въ цвѣтущую эпоху своей жизни, при полномъ развитіи своихъ силъ, Греки и Римляне, вѣроятно, не такъ бы легко приняли религію, происшедшую изъ народа бѣднаго, слабаго и необразованнаго. Но теперь сознаніе своей немощности и упадка силъ и желаніе выйти изъ безвыходнаго положенія сломили гордость Арійцевъ, и лишь только они услышали проповѣдь о новой религіи, отличной отъ ихъ религіи и отъ всѣхъ языческихъ религій, они охотно начали принимать ее, если только крайняя безнравственность не закрывала слуха нѣкоторыхъ изъ нихъ для словъ истины. Язычники, недовольные своей религіей и желавшіе лучшей, слушая христіанскихъ проповѣдниковъ, забывали о происхожденіи послѣднихъ изъ презрѣннаго, варварскаго народа и принимали ихъ ученіе.

При появленіи христіанства Аріицы въ дѣлѣ принятія и распространенія Богооткровенной религіи заступили мѣсто Семитовъ-Евреевъ. Прежде были горды сознаніемъ своего достоинства и не расположены къ принятію сверхъестественныхъ средствъ Аріицы и потому они не удостоились получить Божественное откровеніе; теперь принизилась ихъ гордость и прошло то нерасположеніе, и они одни изъ первыхъ приняли христіанство. Евреямъ въ началѣ ихъ исторіи вовсе нечѣмъ было гордиться, и они со смиреніемъ и вѣрою приняли откровеніе и сдѣлались избраннымъ изъ всѣхъ народовъ земли. Но они во зло себѣ употребили то предпочтеніе, которое имъ оказалъ Богъ предъ другими народами; они возгордились своимъ призваніемъ и думали, что оно основывается единственно на ихъ плотскомъ происхожденіи отъ Авраама и что, слѣдовательно, другіе народы никогда не могутъ стать съ ними наравнѣ по отношенію къ Богу. Возгордившись своимъ происхожденіемъ и призваніемъ, Евреи сдѣлались неспособными принять христіанство ¹⁾.

2) Намъ кажется, что Аріицы по природѣ своей легче могли принять новозавѣтное христіанское ученіе, нежели ветхозавѣтное откровеніе. Ветхозавѣтный законъ до самыхъ мелочныхъ подробностей опредѣлялъ всѣ обязанности человѣка къ Богу и ближнимъ и требовалъ буквального исполненія своихъ предписаній. Такой строго-опредѣленный законъ, исполненіе котораго, по обременительности его, обезпечивалось преимущественно страхомъ наказанія и

1) Какъ между Евреями, конечно, многіе скоро приняли христіанство, такъ и между Греками и Римлянами многіе упорно возставали противъ него, но это не опровергаетъ нашихъ словъ; мы говоримъ о большинствѣ, а исключенія и частности бываютъ всегда и вездѣ.

обѣщаніемъ наградъ, былъ бы слишкомъ тяжелъ для вольнолюбивыхъ Аріицевъ, которые любятъ что ви-будь дѣлать по внутреннему сознанію долга, а не по внѣшнему предписанію. Напротивъ новозавѣтный законъ не стѣсняетъ своихъ послѣдователей мертвой буквой, онъ духовенъ и свободенъ; онъ требуетъ не столько внѣшняго, хотя бы и самаго точнаго исполненія его предписаній, сколько исполненія ихъ по духу; онъ требуетъ, чтобы человѣкъ исполнялъ ихъ не столько ради полученія наградъ и предотвращенія наказаній, сколько по сознанію, что они должны быть исполнены.

Ветхій законъ былъ бременемъ для народа, и не-даромъ къ предписаніямъ его присоединялись угрозы за неисполненіе и обѣщаніе наградъ за исполне-ніе; а иго Христа названо бременемъ благимъ и лег-кимъ. Въ ветхомъ завѣтѣ преобладали страхъ и на-казаніе, а въ новомъ милость и любовь; тамъ законъ былъ неумолимо строгъ въ своихъ требованіяхъ къ человѣку, а здѣсь благодать Божія снисходитъ немо-щи, прощаетъ грѣхи, сопутствуетъ и помогаетъ че-ловѣку при каждомъ добромъ дѣлѣ. Широкой, воль-нолюбивой, даровитой натурѣ іафетитской удобно раз-вернуться во всю ширь, разцвѣсти во всемъ блескѣ подѣ сѣнію новозавѣтнаго закона, который не столь-ко формаленъ, какъ ветхій законъ,—который только требуетъ, чтобы направленіе и духъ человѣческой дѣ-ятельности согласовались съ нимъ, въ какой бы фор-мѣ эта послѣдняя ни выражалась, который требуетъ отъ человѣка нравственнаго усовершенствованія, въ чемъ бы оно ни проявлялось.

Отъ разсужденія о способности Аріицевъ къ при-нятію христіанства естественно перейти къ опровер-женію мнѣнія, будто они достигли такой степени раз-витія, по отношенію къ которой христіанство оказы-

вается религіей отсталой и должно быть покинуто, какъ религія чуждая, созданная не арійскимъ геніемъ и имѣвшая для Арійцевъ только временное значеніе, освободивши ихъ отъ заблужденій политеизма. Вопросъ о томъ, пригодно ли для Арійцевъ христіанство или нѣтъ, поставляютъ въ связь съ вопросомъ объ отношеніи Іафетитовъ къ Семитамъ.

Эмилъ Бюрнуфъ и другіе, развивая далѣе Ренанову мысль о превосходствѣ Арійцевъ предъ Семитами и о діаметральной противоположности между характерами этихъ двухъ расъ, пришли къ слѣдующимъ выводамъ. Такъ какъ Семиты по духовнымъ дарованіямъ ниже Арійцевъ, то и христіанство, какъ продуктъ семитическаго духа, не будетъ удовлетворять духовнымъ потребностямъ высокоталантливыхъ Арійцевъ, когда они дойдутъ до высшихъ степеней развитія, до которыхъ многіе изъ нихъ дошли уже и теперь; для таковыхъ христіанство должно быть замѣнено иной, высшей религіей. Съ другой стороны, такъ какъ христіанство, какъ религія семитическая, запечатлѣно характеромъ семитизма, а этотъ характеръ противоположенъ по своимъ свойствамъ характеру Арійцевъ, то христіанство не только не удовлетворяетъ высокому полету арійскаго духа, но оно даже задерживаетъ его, препятствуетъ свободному и естественному развитію Арійцевъ, налагаетъ на него узы чуждыхъ ему и не соотвѣтствующихъ его природѣ семитическихъ законовъ.

Насколько основателенъ первый изъ этихъ выводовъ, это мы въ подробности рассмотримъ ниже. А теперь сдѣлаемъ краткія замѣчанія о второмъ выводѣ. Мысль о томъ, что христіанство налагаетъ оковы на свободное и естественное развитіе силъ чело-вѣка, не отличается новостію. Въ свое время Гёте называлъ христіанскій храмъ бастиліей духа. Ново

въ этой мысли только то, что основаніе для указаннаго мнимаго свойства христіанства находятъ въ семитическомъ характерѣ этой религіи. Такъ наприм., Гейне, этотъ Семить, отпавшій отъ семитизма, считалъ христіанство противнымъ природѣ, дѣлилъ всѣхъ людей на двѣ половины: іудеевъ или, что тоже, по его мнѣнію, христіанъ, т. е. людей съ аскетическими, спиритуалистическими, враждебными прогрессу стремленіями, и эллиновъ, т. е. людей, наслаждающихся жизнію, гордыхъ своимъ развитіемъ, людей реального направленія. Но проповѣдники подобнаго взгляда на христіанство забываютъ или не понимаютъ того, что христіанство по своимъ началамъ и сущности есть религія общечеловѣческая, что она не имѣетъ въ себѣ ничего спеціально-семитическаго. Доказывать эту мысль нельзя и нѣтъ нужды, потому что все содержаніе Новаго Завѣта неопровержимо доказываетъ ее. Если христіанство запечатлѣно характеромъ семитизма, то спрашивается, почему же Семиты не принимаютъ его, даже враждуютъ противъ него? Универсальность христіанства доказывается и тѣмъ, что его принимаютъ всѣ народы, не чуждаются всѣ расы. Наши противники называютъ семитическій духъ узкимъ, ограниченнымъ; но въ такомъ случаѣ, какъ же онъ могъ произвести столь возвышенную и универсальную религію, религію совершенно свободную отъ всѣхъ недостатковъ семитическаго духа? Не доказываетъ ли это того, что христіанство, по своему происхожденію и сущности, есть религія небесная, Божественная, а не семитическая? Если даже стать на точку зрѣнія противниковъ христіанства и считать его религіей натуральной, семитической по ея происхожденію, то и въ такомъ случаѣ мы тщетно стали бы искать основаній, почему бы Аріиды должны были отвергнуть эту религію. Въ са-

момъ дѣлѣ, пусть Семиты по характеру противоположны Аріійцамъ; но если такъ называемая семитическая религія, т. е. христіанство, по сущности не имѣетъ ничего сроднаго съ семитизмомъ и запечатлѣна характеромъ общечеловѣчности, то почему же эта религія можетъ быть чужда природѣ Аріійцевъ? Какимъ образомъ она можетъ подавлять или стѣснять свободное развитіе ихъ природныхъ способностей? Если бы христіанство не по происхожденію только, не съ внѣшней только стороны, но и по внутренней сущности своей было религіей семитической, то и въ такомъ случаѣ для Іафетитовъ не было бы унижительно принять эту религію отъ Семитовъ. Если Семиты стоятъ выше Іафетитовъ въ религіи, то естественно, что послѣдніе должны были воспринять религію отъ первыхъ. Каждый народъ, какъ и каждый человѣкъ, великъ въ чемъ нибудь одномъ; у каждаго народа есть своя историческая задача, свое назначеніе. Какъ каждый человѣкъ долженъ перенимать у другихъ людей все хорошее, чего онъ не имѣетъ у себя, такъ точно долженъ поступать и каждый народъ относительно другихъ народовъ. И такъ, происхожденіе христіанства отъ Семитовъ вовсе не есть основаніе для того, чтобы Аріійцы отвергли эту религію.

Но чѣмъ же хотять замѣнить христіанство? Какую религію хотять учредить тѣ мыслители, которые, будто бы во имя науки, проповѣдуютъ, что христіанство, какъ религія, обязанная своимъ существованіемъ низшей расѣ въ сравненіи съ іафетитской, какъ религія, препятствующая будто бы естественному развитію прирожденныхъ силъ и способностей іафетитскаго духа, должно быть отвергнуто? Самородныя іафетитскія религіи уже достаточно показали свою несостоятельность, и однако именно ихъ-то, только

въ новой формѣ, и хотять поставить на мѣсто христіанства такіе люди, какъ Ренанъ. Эти люди отвергаютъ все сверхъестественное, и поэтому ихъ боги суть боги сего міра. Одни изъ такихъ людей высшимъ божествомъ считаютъ Минерву, т. е. науку, естественную мудрость. Другіе на мѣсто Бога христіанскаго хотять поставить Аполлона съ музами, т. е. искусство; для нихъ произведенія Гёте и Шиллера выше Евангелія. Иные единственную и послѣднюю цѣль своей жизни полагаютъ въ пріобрѣтеніи; ихъ богъ есть Меркурій. Является на сцену и Венера, богиня беспорядочной любви; а поклонники ея, какъ напримѣръ, Гейне, проповѣдуютъ евангеліе плоти? На мѣсто почитанія вочеловѣчившагося Бога—Христа иные проповѣдуютъ культъ героевъ, въ видѣ почитанія геніевъ—людей богоподобныхъ.

Между тѣмъ какъ люди философски-образованные отвергаютъ необходимость молитвы и вообще религіознаго культа и доходятъ даже до безбожія, между тѣмъ какъ они думаютъ, что довольно для нихъ одного стремленія къ осуществленію идеала гуманизма, который (идеаль) они сами себѣ создали,—необразованный народъ не можетъ удовлетвориться этимъ отвлеченнымъ идеаломъ, онъ имѣетъ потребность въ молитвѣ и требуетъ живаго предмета, которому онъ могъ бы молиться. Такъ какъ бытіе Бога отвергается и остается только блѣдный идеаль гуманизма, то образованные люди и предлагаютъ послѣ имѣть предметомъ почитанія великихъ людей, въ которыхъ осуществился тотъ идеаль. Такъ доходятъ до культа геніевъ. Въ числѣ этихъ геніевъ поставляется и Іисусъ Христосъ, какъ осуществитель идеи гуманизма. Такъ, въ религіи будущаго, зародыши которой есть и теперь, философски образованные люди, не нуждаясь са-

ми въ молитвѣ, будутъ, какъ геніи, принимать поклоненіе отъ необразованныхъ.

Но можетъ ли эта религія гуманизма замѣнить христіанство? Разсмотримъ содержаніе этой религіи гуманизма по частямъ. Безбожные мыслители, въ родѣ Ренана или Штрауса, думаютъ, что христіанство можетъ быть замѣнено философіей. Но правда ли это? Возможна ли даже истинная философія безъ христіанства? Нѣтъ, философія, совершенно отрѣшенная отъ истинной религіи, можетъ доходить до частныхъ производныхъ истинъ, но она не можетъ открыть послѣдняго основанія всякой истины, высшаго принципа всякой науки. Человѣкъ стремится къ вѣчной жизни, а такая жизнь находится только въ одномъ Богѣ—источникѣ жизни. Жизнь въ Богѣ есть высочайшая жизнь, она заключаетъ въ себѣ высочайшую истину, начало всякой здравой, истинной философіи. Безъ этой жизни въ Богѣ возможно только стремленіе къ познанію вещей, но невозможно истинное познаніе ихъ. Почему? Потому что вещи могутъ быть истинно познаны только тогда, когда въ нихъ есть дѣйствительное бытіе, а этого бытія самъ по себѣ міръ не имѣетъ, какъ подверженный непрерывному умиранію, тлѣнію. Безбожный философъ не можетъ положительно сказать, что въ этомъ мірѣ истинно, т. е. что дѣйствительно существуетъ,—жизнь или смерть. Жизнь продолжается только короткое время, а прахъ, въ который превращается всякій предметъ, одушевленный или безжизненный, кажется, существуетъ вѣчно. Поэтому-то матеріалисты приходятъ къ заключенію, что только сама матерія, какъ субстратъ явленій, вѣчна, а жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ есть нѣчто случайное, что она умираетъ въ однихъ формахъ, зарождается въ другихъ. И для пантеистовъ жизнь особей, не исключая и человѣка, есть призракъ, ис-

чезающій въ безднѣ природы, есть скоропреходящее явленіе, не есть истинное бытіе, потому что со смертію она исчезаетъ и сливается съ общимъ бытіемъ вселенной. Такимъ образомъ философія безъ религіи есть философія смерти, а не жизни,—сомнѣнія, а не надежды и истины.

Но неправду говорятъ пантеисты и матеріалисты, считая жизнь призракомъ, не сущимъ. Жизнь міра настолько есть истинно-сущее и вѣчное, насколько она связана съ жизнью вѣчно-сущаго Бога, насколько она имѣетъ свое основаніе въ этой послѣдней. Человѣкъ только тогда доходитъ до мысли, что жизнь, а не смерть, есть истина, когда онъ не отказывается быть участникомъ жизни Божественной. Только участникъ этой жизни имѣетъ ключъ къ истинному познанію, потому что познавать міръ—значить познавать идеи вещей, т. е. тѣ Божественныя мысли, которыя получили свое осуществленіе въ вещахъ. Какъ Богъ Свои вѣчныя мысли осуществилъ въ дѣйствительности при созданіи міра, такъ человѣкъ при познаніи міра долженъ дѣйствительность перелагать въ мысли, въ идеи, чтобы приблизиться къ той совершенной системѣ, которую Богъ осуществилъ во вселенной.— Кто носитъ Бога въ своемъ сердцѣ, тотъ имѣетъ въ Немъ разрѣшеніе всякой міровой загадки, хотя бы онъ и не изучалъ философіи... Онъ обладаетъ истиною, хотя и не въ системѣ. Чего не видитъ разумъ разумныхъ, то понимаетъ простое дѣтское сердце. Греки были мужами, даже исполинами въ мудрости и философіи въ сравненіи съ Іудеями, и однако они были безъ Бога, и титаническими силами человѣкъ не могъ завоевать небо, которое добровольно открывается дѣтски молящемуся, смиренному сердцу. Отъ Іудеевъ, народа, не имѣваго ни науки, ни философіи, почитавшагося варварскимъ и презрѣннымъ, вы-

шло ученіе, которому подчинились философствующіе Греки. Почему такъ? Потому что Іудеи имѣли вѣру; по вѣрѣ открылся имъ Богъ, источникъ всякой истины. Высочайшая истина не можетъ быть познана посредствомъ одной только познавательной дѣятельности, ибо эта истина есть Самъ Богъ; а Богъ не есть ни натуральный законъ; ни идея; Онъ есть живое, личное, святое существо, которое нельзя познать, если не любить Его сердцемъ, не молиться Ему, не вѣровать въ Него. Чтобы познаніе было истиннымъ познаніемъ и философія—истинной философіей, для этого требуется соединеніе вѣры, элемента по преимуществу семитическаго, съ наукой, знаніемъ—элементомъ іафетическимъ. Мудрость Іафетитовъ должна быть дополнена религіей. Такъ какъ Богъ можетъ быть истинно познанъ только въ Богочеловѣкѣ Іисусѣ Христѣ, въ Которомъ находится совершенное откровеніе Божества и Который сказалъ про Себя: *Азъ есмь путь, и истина, и жизнь*; то желающіе имѣть истину, мудрость, философію должны исповѣдывать не другую какую либо религію, а именно христіанскую. Только при помощи христіанства человекъ можетъ дойти до истиннаго знанія о Богѣ и о мірѣ. Такимъ образомъ невѣрующіе напрасно думаютъ, что способные къ философіи іафетитскіе народы могутъ обойтись безъ христіанства, могутъ замѣнить его философіей. Философія сама нуждается въ помощи и руководствѣ со стороны христіанства.

Иные изъ іафетическиххъ мыслителей считаютъ возможнымъ христіанство и вообще религію замѣнить искусствомъ, къ которому Іафетиты такъ же способны, какъ къ наукѣ и философіи, между тѣмъ какъ Семиты мало способны къ искусству. Но хотя Семиты сами не очень способны къ искусству, однако это не

препятствуетъ тому, что въ христіанствѣ открыты чело-
вѣчеству глубочайшее основаніе, истинная сущность
и послѣдняя цѣль всякаго искусства. Сущность ис-
кусства коренится въ слѣдующихъ истинахъ, откры-
тыхъ міру христіанствомъ: 1) міръ сотворенъ Богомъ;
2) челоѣкъ богоподобенъ; 3) міръ нѣкогда будетъ
прославленъ, обновленъ. Только тогда искусство бу-
детъ имѣть вѣчное значеніе, когда оно будетъ свя-
зано съ этими истинами.

Только тогда искусство будетъ имѣть дѣйствитель-
ную цѣну, когда оно будетъ понимаемо, какъ бого-
подобная дѣятельность челоѣка. Между тѣмъ какъ
Богъ творилъ міръ, дѣлалъ Онъ его прекраснымъ вы-
раженіемъ Своего Духа. Міръ есть красота. Вѣнецъ
этой красоты есть челоѣкъ; потому что онъ по своему
богоподобию всего лучше отображаетъ величіе, красоту
Безконечнаго. Когда челоѣкъ творитъ въ искусствѣ,
то онъ при этомъ не подражаетъ только существующе-
му, не удвояетъ только вещь, какъ думалъ Аристотель,
но онъ въ тоже время подражаетъ Богу-Творцу; потому
что всякое созданіе искусства отображаетъ свойство
челоѣческаго духа, который самъ есть отображеніе
Божества. По ученію христіанскому нѣкогда наста-
нетъ царство Божіе, т.-е. прославленное состояніе
челоѣка и міра. Тогда только будетъ достигнута цѣль
всякаго искусства. Но пока еще не пришло это цар-
ство, челоѣкъ неудержимо стремится предвкусить
блаженную, свободную отъ смерти, жизнь въ произ-
веденіяхъ искусства.

Такъ какъ всякое искусство стремится выразить
состояніе прославленія, идеальный міръ, то оно спо-
собно доставлять блаженство, которое есть отблескъ
того блаженства, которымъ будутъ наслаждаться люди
въ прославленномъ состояніи. Рассказываютъ, что

Грекъ не могъ спокойно умереть, если онъ ни разу не видалъ Фидіевой статуи Зевса, и что созерцаніе ея способно было утолять печаль. Эта статуя была не богъ, а художественное произведеніе. Не живая личность производила такое дѣйствіе на человѣка, но небесная красота, отъ которой вѣяло дыханіемъ идеальнаго міра. Искусство приближаетъ Божественное къ человѣку, давая послѣднему возможность предчувствовать красоту прославленнаго міра, которая имѣетъ своимъ источникомъ Бога. Радость и блаженство, которыя доставляютъ человѣку всякаго рода искусства, происходятъ отъ того, что художникъ въ искусствѣ предъизображаетъ, сколько это доступно его силамъ, красоту будущаго прославленнаго состоянія міра и человѣка.

Вмѣстѣ съ радостію искусство пробуждаетъ въ душѣ человѣка болѣзненное, тоскливое томленіе. Всякое высоко-художественное произведеніе пробуждаетъ желаніе освободиться изъ этого бѣднаго міра. Особенно сильно дѣйствуетъ въ этомъ отношеніи христіанское искусство. Готическіе храмы будто уносятъ душу отъ земли къ небесамъ. Музыка, искусство по преимуществу христіанское, вмѣстѣ съ самою высокою радостію пробуждаетъ тоску по далекой совершенной жизни. Чѣмъ превосходнѣе художественное произведеніе, тѣмъ сильнѣе оно напоминаетъ о потерянномъ раѣ и тѣмъ яснѣе и выразительнѣе говоритъ о будущемъ прославленіи.

Сущностію искусства опредѣляется и цѣль его. Неправда, будто искусство вовсе не имѣетъ цѣли, ибо иначе оно не имѣло бы права на существованіе. Неправда, будто цѣль его состоитъ въ томъ, чтобы только украшать жизнь, ибо въ такомъ случаѣ цѣль его была бы случайная. Искусство имѣетъ не случайную, а необходимую, не преходящую, а вѣчную цѣль. Она со-

стоятъ въ томъ, чтобы давать предвкушеніе будущаго прославленія, проповѣдывать о первобытной красотѣ міра, имѣющей нѣкогда опять явиться, выражать неистребимое въ человѣкѣ стремленіе къ этой красотѣ, стремленіе отрѣшиться отъ настоящаго міра смерти и печали.

Но между тѣмъ какъ искусство выполняетъ эту цѣль, оно служитъ религіи, которая приводитъ человека отъ земнаго къ небесному, къ Богу. Это подчиненіе искусства религіи нисколько не унижаетъ его, а возвышаетъ, потому что оно сообщаетъ ему вѣчную цѣну. Только въ томъ случаѣ, если искусство имѣетъ сродство съ истинной религіей, если оно не имѣетъ другой цѣли, кромѣ изображенія стремленія человека къ прославленію, — только тогда плоды его не ограничиваются временной жизнію, но имѣютъ значеніе для вѣчной жизни. Съ отрѣшеніемъ искусства отъ религіи отнимается у искусства то, что даетъ ему истинное содержаніе и истинную цѣну. Эта истинная религія, дающая цѣну искусству, есть христіанство. Въ фактѣ воскресенія Христа заключается зародышъ прославленнаго міра, вѣчной жизни; въ немъ сообщена людямъ увѣренность, что они будутъ жить вѣчно. Но всякое искусство, какъ мы сказали, имѣетъ дѣйствительную цѣну лишь въ томъ случаѣ, если оно побуждаетъ желать прославленнаго состоянія человека и міра и предвкушать блаженство этого состоянія, если оно предвозвѣщаетъ о немъ. Оно было бы обманомъ, призракомъ, пустой мечтой, если бы въ концѣ концовъ красота не восторжествовала надъ безобразіемъ, которое теперь встрѣчается въ мірѣ, если бы жизнь не побѣдила смерти. Не смѣются ли надъ искусствомъ, не унижаютъ ли и даже не уничтожаютъ ли его тѣ, которые отрицаютъ вѣчную жизнь, какъ ее проповѣдуетъ христіанство? Невѣріе, отрицающее бытіе иде-

альнаго міра, есть смерть для искусства. Если въ красотѣ, выражающейся въ искусствѣ, нѣтъ лучшей реальности, чѣмъ мраморъ или краска, тогда искусство есть жалкое ремесло и, подобно ему, служить только для временной жизни, — тогда оно есть пустая игра, которая очаровываетъ смертное человѣчество образомъ вѣчной и прекрасной жизни только для того, чтобы послѣднее тѣмъ глубже могло чувствовать свое жалкое состояніе. Безъ вѣры въ вѣчную жизнь, за существованіе которой ручается воскресеніе Христово, невозможно истинно-правственное наслажденіе художественными произведеніями. Безъ этой вѣры идеальная красота служить только чувственнымъ желаніямъ и возбуждаетъ только чувственное удовольствіе. Даже и языческое искусство возникло изъ вѣры въ существованіе идеальнаго міра и стояло въ зависимости отъ религіи. Поэтому кто уничтожаетъ эту вѣру, тотъ разрушаетъ лоно, изъ котораго возродилось искусство. Если бы греки не имѣли этой вѣры въ божественное, вѣчно-живущее человѣчество, то не явились бы на свѣтъ ихъ прекрасно-идеальныя художественныя произведенія. Ихъ искусство процвѣтало только до тѣхъ поръ, пока была сильна ихъ религія. Съ паденіемъ ихъ религіи, пало и ихъ искусство: оно начало служить для удовольствія людей, оно стало простымъ изображеніемъ обыденной, прозаической дѣйствительности съ тѣхъ поръ, какъ оно перестало черпать свою сущность изъ источника идеальной красоты. Конечно, искусство заимствуетъ свое содержаніе изъ существующаго міра и природы, но оно теряетъ свою божественную сущность, если оно не имѣетъ силы окружить дѣйствительность эфирнымъ блескомъ міра идеальнаго. Но если языческая нетвердая вѣра въ существованіе лучшаго міра и языческая ложная религія имѣли такое значеніе для искусства, то не болѣе-ли важно и необходимо для

него христіанство, религія истинная, заключающая въ себѣ твердое ученіе о вѣчной жизни и будущемъ прославленіи міра и человѣка!

Такимъ образомъ искусство для своего процвѣтанія не менѣе философіи нуждается въ религіи, и Іафетиты, способные къ искусству, не должны мечтать о томъ, будто они, отвергнувши христіанство, могутъ замѣнить его искусствомъ. Не только искусство не замѣнитъ имъ религіи, но безъ нея оно само падетъ.

Самое высокое, чѣмъ безбожные аріискіе мыслители мечтаютъ замѣнить христіанство, есть идеальная естественная нравственность, религія гуманизма. По ихъ мнѣнію, религія, которой требуетъ направленіе духа нашего времени, состоитъ въ стремленіи приближаться къ идеалу, заключающемуся въ человѣческомъ разумѣ. Что это за идеалъ? Въ чемъ онъ состоитъ? У каждаго-ли человѣка есть свой истинный идеалъ, или долженъ быть выработанъ одинъ идеалъ для всѣхъ людей? Кто въ послѣднемъ случаѣ можетъ и долженъ выработать его? На эти вопросы, конечно, трудно отвѣчать. Но допустимъ, что какимъ бы то ни было образомъ будетъ выработанъ истинный идеалъ человѣчества. Всетаки поклоненіе этому идеалу, если онъ будетъ имѣть значеніе только для временной жизни, не можетъ быть названо религіей: здѣсь нѣтъ вѣры, любви, надежды на будущую жизнь. Религія, вѣра, любовь существуютъ только тамъ, гдѣ признается Богъ, живое личное существо, Которому можно молиться и Котораго можно любить. Идеалъ же есть, только идея, заключающая въ себѣ совокупность понятій о человѣческихъ добродѣтеляхъ. Отличіе древняго политеизма отъ новѣйшаго пантеизма состоитъ въ томъ, что въ первомъ все таки была религія, хотя и ложная, возможны были молитвы, хотя и не дѣйствительныя, были боги, хотя и не истинные, а въ

послѣднемъ нѣтъ ни молитвы, ни религіи, ни Бога. Все это замѣняется поклоненіемъ отвлеченному идеалу человѣчества. Аріицы отъ политеизма должны перейти къ откровенной религіи—христіанству, чтобы имѣть полноту Божества, или, если они не хотятъ этого, они необходимо теряютъ и то, что имѣли. Что арійскій духъ, предоставленный самому себѣ, отъ естественной религіи переходитъ къ безбожію, это хорошо выражается въ развитіи нѣмецкой философіи отъ Канта до Гегеля. Уже Кантъ, безмѣрно возвышая автономію естественной воли человѣка и значеніе нравственнаго закона, написаннаго въ сердцѣ человѣка, пришелъ къ заключенію, что человѣкъ высшій законъ для себя имѣетъ въ себѣ самомъ и поэтому не нуждается въ положительномъ законѣ, въ откровеніи. Человѣкъ, по Канту, нуждается въ Богѣ, высочайшемъ, нравственнѣйшемъ, святѣйшемъ и всемогущемъ существѣ, только для того, чтобы получить отъ Него за гробомъ награду за свою нравственную жизнь. Хотя въ этомъ ученіи еще не разрывается окончательно связь человѣка съ христіанскимъ Богомъ, но она сильно ослабляется. Богъ унижается до служителя совершеннаго нравственнаго человѣка, существуя какъ бы только для того, чтобы приготовить для этого человѣка блаженное состояніе. У Фихте Богъ превращается въ нравственный міровой порядокъ. У послѣдующихъ пантеистическихъ философовъ Богъ, какъ личное существо, совсѣмъ не допускается. Такимъ образомъ арійскіе философы, исходя изъ требованія самой строгой естественной нравственности,—ибо не можетъ быть болѣе строгой естественной нравственности, нежели та, которую проповѣдывалъ Кантъ,—кончаютъ безбожіемъ.

Но можетъ ли безбожная религія, которая не по праву носить самое имя религіи, быть чисто-нравствен-

ной? Можетъ ли религія естественной нравственности, религія гуманизма, сдѣлать человѣка чистымъ, нравственнымъ существомъ? Исторія даетъ намъ право отвѣтить на этотъ вопросъ отрицательно. У Грековъ и Римлянъ просвѣщеніе, философія разрушили народную религію, а вмѣстѣ съ нею пала и нравственность. Но если даже съ ложной религіей была связана нравственность народа, то тѣмъ болѣе крѣпкую неразрывную связь должна она имѣть съ христіанствомъ, религіей истинной, религіей по преимуществу нравственной, религіей, требующей самой высокой чистой нравственности отъ своихъ приверженцевъ и дающей средства человѣку для выполненія ея требованій. Кто поручится за нравственную чистоту и истинную идеальность человѣческаго идеала, если Іисусъ Христосъ не будетъ болѣе первообразомъ и источникомъ нравственно-святой жизни? Развѣ не можетъ этотъ идеаль сдѣлаться ложнымъ, подобно тому какъ добродѣтель часто превращается въ порокъ? Гдѣ порука, что идеаль, созданный самимъ человѣкомъ будетъ истиннымъ идеаломъ? Не доказываетъ ли исторія, что люди къ своимъ идеаламъ примѣшивали самыя гнусныя черты? Такъ, напр., высшее божество Грековъ — Зевсъ является прелюбодѣемъ. Чего желаетъ вѣкъ или народъ, то онъ и считаетъ своимъ идеаломъ, онъ вноситъ въ него свои пороки и недостатки. Онъ идеаль видитъ въ своихъ великихъ мужахъ, а въ нихъ наряду съ великими добродѣтелями соединяются и пороки. — Только въ христіанствѣ есть этотъ истинный идеаль, совершенства котораго человѣкъ долженъ по возможности осуществлять въ себѣ. Христіанскій идеаль — въ Богѣ, существѣ всесовершенномъ. *Будите вы совершенни, якоже и Отецъ вашъ Небесный совершенъ есть* (Мѡ. 5, 48). сказалъ Іисусъ Христосъ.

Вообще противъ людей, мнящихъ религію, христіанство замѣнить наукой, философіей, искусствомъ, естественной нравственностію, можно сказать, что философія, искусство и естественная мораль не могутъ наполнить духа человѣческаго, какого бы развитія ни достигли его силы, и не могутъ успокоить человѣческое сердце, если оно не будетъ искать блаженства въ Существоѣ высшемъ. Какъ бы ни было велико и широко развитіе естественныхъ силъ Арійца, оно однако нуждается въ томъ освященіи, которое можетъ дать только религія. Философія и искусство для человѣка, отвергающаго религію, будутъ имѣть своимъ содержаніемъ и цѣлю конечное, видимый міръ, природу; но конечное не можетъ удовлетворить человѣка. Потребности сердца его такъ велики, что ихъ не можетъ наполнить и весь міръ со своимъ великолѣпіемъ, ни мудрость, ни искусство. Въ немъ неистребимо стремленіе къ безконечному—къ Богу, къ вѣчной жизни. Это безконечное открываетъ ему религія. Абсолютно-истинная и единственно-истинная религія есть богооткровенная религія—христіанство. Арійскіе безбожные мыслители, отвергая христіанство во имя мнимаго освобожденія іафетитскаго духа отъ оковъ, которыя будто бы наложены на него христіанствомъ, религіей семитической и будто бы чуждой природѣ Іафетитовъ, несоотвѣтствующей той ступени развитія, на которой теперь Іафетиты находятся, жестоко заблуждаются. Христіанство, какъ истинная религія, сродно съ природою всякаго человѣка, всякаго народа и всякой расы, не исключая и іафетитской. Иначе какъ понять тотъ фактъ, что христіанство приняли почти всѣ образованные народы, и іафетитскіе народы шли здѣсь впереди всѣхъ. Нѣтъ такой ступени развитія человѣка или народа, на которой бы они уже не пуждались въ истинной

религіи; потому что ни одинъ человѣкъ и, тѣмъ болѣе, ни одинъ народъ не могутъ достигнуть того идеала совершенства; приближаться къ которому даетъ возможность только христіанство. Христіанство вовсе не налагаетъ оковъ на естественныя стремленія, какъ человѣка вообще, такъ и Аріѣца въ частности. Напротивъ, какъ религія истинная, оно способствуетъ развитію всѣхъ естественныхъ силъ человѣка, указывая ему правильный путь для его дѣятельности, представляя ему истинный идеалъ, къ которому онъ долженъ стремиться, давая ему силы для достиженія этого идеала и проч. Оно не подавляетъ ни науки, ни искусства, ни другихъ отраслей цивилизаціи, въ которыхъ отличились Іафетиты. Напротивъ оно выводитъ ихъ на правый путь, возвышаетъ ихъ и предохраняетъ отъ упадка, отъ измельчанія. Не подѣлнѣю ли христіанства процвѣла такъ называемая новая европейская цивилизація? Не носить ли она его имени? Христіанство налагаетъ узы только на дурныя стремленія человѣческаго духа, научая точно различать хорошее отъ дурнаго, запрещая дѣлать зло, подавая помощь и различныя средства для борьбы противъ него, освобождая человѣчество изъ подъ власти грѣха и съ тѣмъ вмѣстѣ отъ варварства и конечной гибели. Христіанство не есть ни философія, ни искусство, ни наука, но она даетъ жизнь, освященіе и истинную цѣну и философіи, и наукѣ, и искусству, и всей цивилизаціи. Оно—соль, безъ которой все истлѣваетъ.

Собственная исторія Іафетитовъ научаетъ ихъ, что они не должны полагаться только на свои собственные силы, что недостаточно для нихъ быть властителями на землѣ, идти во главѣ цивилизаціи, но что они должны войти въ шатры Сима, т. е. принять семитическую религію. Они приняли ее и не

должны покидать никогда, если не хотятъ всего лишиться. Когда Ноево пророчество о Симѣ исполнилось на потомствѣ Сима въ вѣкъ Христа Спасителя, тогда же совершеннѣйшимъ образомъ исполнилось и предсказаніе Ноя о земномъ владычествѣ Іафета. Римляне—іафетитскій народъ сдѣлались всемірными властителями; почти всѣ извѣстные тогда народы подчинились скипетру римскихъ цезарей. Но Римляне были представителями не одной внѣшней власти. Вмѣстѣ съ Греками, народомъ также іафетитскимъ, они стояли во главѣ всемірной цивилизаціи. У этихъ двухъ народовъ процвѣтали науки, философія, искусства, торговля и проч. и отъ нихъ вмѣстѣ съ ихъ властію распространились почти по всѣмъ народамъ. Но что-же? Всемірное господство спасло-ли Римъ? Всемірная цивилизація спасла-ли Римъ и Грецію? Въ лучшемъ и возвышеннѣйшемъ, что только могъ создать языческій, точнѣе говоря, языческій—іафетитскій міръ, съ самаго начала заключались зародыши разложенія, тлѣнія, смерти. Языческая нравственность, которую мы находимъ довольно чистою въ первоначальной исторіи іафетитскихъ народовъ, не могла ихъ предохранить отъ послѣдующаго страшнаго нравственнаго растлѣнія. Какъ только Греки и Римляне начали осмѣивать тѣхъ боговъ, ту религію, которые были созданы ихъ предками, такъ погибла ихъ нравственность. Вмѣстѣ съ нравственностію и религіей тотъ и другой народъ потеряли свою власть; пала и цивилизація ихъ. Не варвары разрушили римское владычество и римско-греческую цивилизацію; и та, и другая были напередъ подточены внутренней порчей, отъ которой не могли спасти Римлянъ и Грековъ ихъ естественныя силы, ихъ даровѣтность, ихъ естественная нравственность и религія, ихъ образованность и величіе характера. Но кто осмѣлится ут-

верждать, что подобная порча, подобное тлѣніе и погибель не могутъ постигнуть и современные іафетитскіе народы и современную цивилизацію, если эти народы отвергнуть христіанство, а вмѣстѣ съ нимъ и всякую религію, если они захотятъ руководствоваться только естественными внушеніями своего духа, если будутъ полагаться только на свои естественныя силы, если религію замѣнятъ философіей, наукой, искусствомъ? Кто осмѣлится утверждать это, если пала римская и греческая цивилизація, если погибли Греки и Римляне? Ни одинъ человѣкъ, безпристрастно смотрящій на вещи. Ибо чѣмъ выше современные іафетитскіе народы народовъ классическихъ? Ничѣмъ. Современные Тевтоны и Романы не умнѣ древнихъ Грековъ. Новое время относительно не болѣе произвело геніевъ, нежели классическій вѣкъ. Характеръ нынѣшнихъ людей не крѣпче желѣзнаго характера Римлянъ. Чѣмъ современная цивилизація выше цивилизаціи классической? Только христіанствомъ. Христіанству она много обязана своимъ возникновеніемъ, своею силою, своею долговѣчностію. Отдѣлите въ ней христіанское отъ нехристіанскаго, если только это возможно, и вы получите остовъ, — нищенскіе обрывки. Оторвите отъ нея христіанство, и она поблекнетъ, и даже скорѣе, нежели классическая цивилизація; ибо послѣдняя имѣла основаніе въ себѣ самой, въ естественныхъ силахъ народовъ, которые ее создали, а первая имѣетъ свои корни въ христіанствѣ и безъ него такъ же не можетъ жить, какъ цвѣтъ и листья безъ корня.

Такимъ образомъ теоретическія соображенія и исторія доказываютъ намъ неосновательность мнѣнія, будто христіанство, какъ семитическая религія, не имѣетъ въ настоящее время никакого значенія для Іафетитовъ и должно быть ими отвергнуто, какъ

чуждое иго, противное ихъ естественнымъ склонностямъ,—ихъ натурѣ. Христіанство имѣло не временное значеніе для Іафетитовъ, а имѣетъ его и теперь и будетъ имѣть всегда; оно для нихъ совершенно необходимо и всегда будетъ необходимо; христіанство есть религія вѣчная.

Какъ прежде не разъ мы приходили къ выводу, что безъ Божественнаго откровенія не можетъ быть истинной религіи, такъ теперь мы имѣемъ право заключать, что христіанство, какъ религія Богооткровенная, необходимо для человѣка. Ибо если оно необходимо для арійскихъ народовъ, самыхъ образованныхъ и даровитыхъ изъ всѣхъ племенъ челоѣчества и поэтому болѣе, нежели прочіе народы, способныхъ найти опору въ своихъ естественныхъ силахъ и счастье на землѣ, по своему умѣнью пользоваться ея благами; то тѣмъ болѣе оно необходимо для прочихъ народовъ, не обладающихъ столь счастливыми способностями и потому болѣе нуждающихся въ помощи и руководствѣ.

Такимъ образомъ обсужденіе вопроса объ отношеніи Іафетитовъ къ семитической по происхожденію религіи, т. е. къ христіанству, доставило намъ возможность раскрыть и обосновать ту великую истину, что христіанство есть религія всемірная.

(окончаніе слѣдуетъ).

А. Бляевъ.
